

Василий Сретенский

ОТ/ЧЁТ

Василий Сретенский

От/чёт

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2595275

От/чет: Литагент «Издатель Книгу»; 2011

ISBN 978-1-4661-3111-8

Аннотация

Иуда... Предатель, обрекший на смерть Иисуса Христа.

Такова официальная версия, описанная в Евангелиях.

Но... почему тогда веками существует таинственная секта иудаитов, почитающих предателя, как святого?!

Молодой ученый, изучающий иудаитов, по случаю покупает и вскоре теряет старинную книгу духовной поэзии – и оказывается впутан в цепь загадочных событий.

За книгой охотятся и странный коллекционер, и агент Ватикана, и представители спецслужб.

Что же скрыто в этом невинном на первый взгляд «осколке прошлого»?!

Содержание

Предуведомление	4
ОТ/ЧЕТ	7
Воскресенье	10
Понедельник	31
Вторник	44
Среда. Утро	85
Среда. Вечер и ночь	103
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Василий Сретенский

От/чет

Предуведомление

Мой однокурсник и коллега Василий Михайлович Сретенский, автор этой книги, до недавнего времени преподавал историю и культурологию в Московском университете политологии, экономики и права (МУПЭП). Наши нечастые встречи были вызваны отчасти пересечением научных интересов, отчасти большим количеством общих знакомых. Некоторое время назад я получил от него папку с написанным фломастером на обложке словом «От/чет», именно так. В посылке находился блок флэш-памяти и бумаги, главным образом ксерокопии. Но были там и листки, исписанные крупным почерком Василия Михайловича с характерными завитками в буквах «д» и «б», и компьютерные распечатки. В приложенной к ним записке он просил меня поддержать присланные материалы у себя, а если он в течение месяца-двух не попросит их обратно, распорядиться ими по своему усмотрению.

Через какое-то время я узнал о его скоропостижной кончине и некоторых обстоятельствах ухода из жизни, которые, как представляется, дают мне право

выполнить последнюю волю покойного.

В нашей среде принято публиковать так называемое «научное наследие», то есть те материалы, над которыми ученый работал, но не успел опубликовать. А В. М. Сретенский был ученым, хотя и не очень известным. Его кандидатская диссертация «Русские коммуны в Америке» 1860-х – 1970-х гг., статьи о Вильяме Фрее, Григории Мачтете и других коммунарах позапрошлого века хорошо знакомы специалистам, но не широкой общественности.

В последние годы главным направлением его исследований была история транспорта России XVIII и XIX веков, до появления железных дорог.

Так получилось, что папка с названием «От/чет» представляет собой единственную форму научного наследия В. М. Сретенского. Правда, не все материалы, в ней содержащиеся, могут быть названы таковыми в строгом смысле. Приведя их в относительный (довольно произвольный) порядок и соотнеся компьютерный текст с бумагами, я решил опубликовать то, что сам он, видимо, считал наиболее важным, по крайней мере, в последние дни жизни.

Хочу от всей души поблагодарить филолога Ладун Арро, переводчика Нику Соловьеву, и редактора Валерию Ахметьеву, помогавших мне разбирать материалы В. М. Сретенского и готовить их к публикации.

Особая благодарность – художнику Алексею

*Черниченко, создавшему обложку книги к этому
изданию.*

К. А. С.

ОТ/ЧЕТ

То, что я сейчас пишу, – не дневник и не воспоминания. Дневник я начинал писать много раз, но дальше записей четырех дней подряд не продвинулся. И дело здесь вовсе не в лени и не в загруженности делами. Может быть, привычку записывать за собой надо вырабатывать в детстве, как, например, привычку мыть руки после и перед.

Не знаю.

С воспоминаниями все проще и хуже. Воспоминаниям мне почему-то удается предаваться лишь с Полом и еще в другом месте. Пол, мой друг детства, Великий Воспоминатель, по профессии своей бытописатель, то есть журналист. Но то за деньги, а для души он помнит все, что с нами происходило с трехлетнего возраста, когда нас свел вместе обряд вытирания носов платком нашей нянечки Ани (это по словам Пола, я не помню). Пол регулярно вспоминает сам и напоминает мне все давно и в общем-то, справедливо забытое (мною), но бережно хранимое (им). Происходит это при наших регулярных встречах и, с неизбежностью разливов Нила, смывается алкогольной волной. Так что к утру следующего за вечером воспоминаний дня, все возвращается на круги своя: я смутно помню, где мы были и о чем говорили последние 15 часов, Пол помнит все.

Что же касается другого места, то оно другое место и есть.

Сидя в другом месте, я действительно многое вспоминаю (а многие события мысленно переигрываю в свою пользу), но память о прошлом поневоле выходит с душком, который не то чтобы совсем мне неприятен, но и не совсем необходим.

Начнем сначала: здесь и сейчас я ничего не вспоминаю, а просто фиксирую события, случившиеся со мной за последние две недели. Фиксирую объективно и по возможности точно, поскольку события эти не то чтобы необычные, а просто невозможные. Ибо что может случиться в реальной жизни с доцентом по кафедре истории и культурологии, пережившим 40-летие и оставившим позади все возможные развилки жизни? Объясняю: во-первых, он может стать профессором; во вторых, что скорее, он может не стать профессором. Больше ничего.

Да, кстати, здесь – это в Москве, у себя дома, в двухкомнатной квартире сталинского дома на Третьей Фрунзенской улице. «Хорошо оборудованный склеп» – так назвала ее одна моя недолгая гостья. Не знаю, мне нравится. А сейчас – это шесть часов пополудни в субботу. У меня впереди еще вечер и почти вся ночь, чтобы изложить свои поступки и, по возможности, соображения, которые привели меня к решению покинуть этот мир именно сегодня и именно тем способом, который я выбрал. Хотя, возможно, мое решение и не совсем мое. Скорее оно было predetermined цепью событий, начавшихся в последнее воскресенье августа, две недели назад.

Итак...

Воскресенье

В тот день, по установившейся традиции (а я ее сам установил и чту последние десять лет), я отправился на «вернисаж» в Измайлово, а точнее, в его антикварные ряды, представляющие собой вполне жизнеспособный гибрид блошиного рынка и отлаженной структуры по сбыту «фальшаков» объевшимся икрой иностранцам и женам новых наших богачей средней руки. Больше всего тут икон, на которых даже трещинки поленились нарисовать новоделщики, а также самой разнообразной домашней утвари последних трех веков, утащенной у одиноких старушек.

К моим интересам все это отношения не имеет. Я собираю поддужные колокольчики конца XVIII – начала XX веков. Подделывать их не имеет смысла, да и грабить старушек ради них тоже. Колокольчиков на антикварном рынке и без того много. Но для собирателей-профессионалов ценность представляют отнюдь не все. Имеет значение место и время производства, качество исполнения и оформления, целостность экземпляра. Меня интересуют главным образом колокольчики производства мануфактур городка Слободского Вятской губернии, с надписями. Чем реже встречается надпись, тем колокольчик ценнее.

В этот раз ничего интересного не было: две-три связки буенцов, два-три поддужных колокольчика конца XIX века и

огромная рында с надписью «Независимый», неведомо как попавшая в сухопутную Москву. К тому же дождь – мелкий, но вредный в своем стремлении идти часа три, а то и до вечера – заставлял торговцев, уже принявших по рюмочке, сворачивать дела, убирая со скамеек крашеные доски и ржавое железо. Конечно, если бы я приехал на ярмарку с утра пораньше, может быть, мне и удалось бы обнаружить что-нибудь ценное. Но, во-первых, вставать с утра пораньше (как я думал) мне придется в течение всего учебного года. А во вторых, до часу дня, глядя на невнятные облака, которые в тот день заменяли небо, я не мог определить, пойдет дождь или нет. В конце концов верность необязательным делам взяла верх, и я поехал, заранее зная, что зря.

(Жена моя бывшая, Алена все, помнится, говорила: «На что настроишься, то и получишь». Якобы такая освещенная веками бабушкина мудрость. От нее-то я порой получал совсем не то, на что настраивался. А на развод так вообще не настраивался. Но это так, а propos.)

Заход был явно пустой, но я дошел-таки до конца ряда, кляня погоду, ленивых перекупщиков, себя, топающего промокшими своими кроссовками прямо и направо, туда, где скамейки заканчивались и вещи лежали прямо на земле, на газетке или на старой скатерти. Там, в конце ряда, за поворотом и за лотками, расположился вечно унылый и в унылости своей монументальный торговец старьем. Как почти все местные антиквары, он был бородат, толстошек, красно-

лиц и слегка пьян. Цены у него обычно низкие, но и товар, как правило, заваливший. Впрочем, пару колокольцев, не самых редких, я у него когда-то купил и даже оставил свой номер телефона в надежде на право первой руки. На этот раз кроме двух утюгов, связки ржавых ключей, жестяного блюда для жарки кабана, стопки открыток тридцатых годов прошлого века да сундука со старыми книгами, у него ничего не было. От нечего делать я стал перебирать книги, явно собранные по чердакам, и притом чердакам нехоженным. Сверху лежал комплект «Нивы» за 1913 год, затем «Новый завет и Псалтырь» Синодальной типографии без двух последних страниц; «Воинский устав о строевой кавалерийской службе», петербургское издание 1842 года; «Паломник Киевский или путеводитель по монастырям и церквам киевским для богомольцев посещающих святыню Киева». Тот же 1842 год. Еще ниже – Бахирев, «Русский карточный игрок», первое издание, типография Тузова, 1875 год; Княжнин «Ям. Посиделки. Девичник». Опять Петербург, 1808 год. Будь я заядлый книголюб, может быть, все наличные деньги у этого сундука оставил, а может даже побежал бы банкомат искать. Но подлинного интереса я не испытывал, говоря себе, что всех интересных книг не купишь. Это ж не колокольчики.

Дождь накрапывал все сильнее, книги, которые я выкладывал на грязную холстину рядом с сундуком, отсырели. Вид у их был жалкий, как у бомжей в метро. Где-то у дна сундука лежала тоненькая книжка без переплета, но в хорошем

состоянии, все страницы на месте. На обложке значилось: «Черты Ветхого и Нового Человека», далее текст небольшой поэмы, страниц на двенадцать. Название показалось мне знакомым, но поэму эту я точно не читал. Книжка маленькая и совсем уж какая-то несчастная. На внутренней стороне бумажной обложки, черными выцветшими чернилами был нарисован колокол. Внутри рисунка какие-то слова, значки и цифры (я не вчитывался) нанесены характерным почерком, каким писали в конце XVIII – начале XIX веков.

– И почему будет? – спрашиваю.

Торговец, подобно Гаю Юлию Цезарю, делал три дела одновременно. Он поедал дикого вида лапшу из пластмассовой коробки, рассказывал соседу о своем путешествии на электричках в село Кузьма Тульской области за медной посудой, керосиновой лампой и самоваром, а попутно грубо намекал на сексуальную распущенность всех предметов и явлений, встреченных по пути, плюс нетрадиционную сексуальную же ориентацию транспортных милиционеров, отобравших у него большую часть улова. Доведя до эмоционально оправданного финала фразу: «А и говорю: да засунь ты этот самовар...», он носом повел в сторону книги и невнятно побормотал: «Двести», вроде как и без желания что-то продавать.

И тут же начал рассказывать байку про одного мужика, ну ты его знаешь, он тут часто бывает, который купил года два назад в магазине, все чин чинарем, часы настольные восем-

надцатого века, с фигурками, эмалью, все как надо. Но все мучился, чего не бывает, вдруг сунули новодел. Решил отвинтить их от подставки, окрутил одну ножку, а внутри сережки золотые начала XIX века с брильянтами по полмизинца, ну, блин, полногтя мизинца. Их сейчас жена его носит.

Я, собственно, и спросил-то без такого же желания что-либо покупать, но тут нашел на меня азарт коллекционера. Вспомнил, что эту же поэму, может, чуть в лучшем состоянии (потому что сухом) неделю или две назад видел в букинистическом отделе магазина на Тверской, зайдя туда с тайной надеждой обнаружить на полке или в коробке на полу «Описание постепенного развития почтовой гоньбы в России и существовавших до сего времени способов содержания станций», издания 1860 года, брошюрку в 34 страницы (результат этого и подобных визитов: not a chance). Стоила там эта же самая поэма, тоже без переплета, со слегка потрепанными уголками, две с половиной тысячи нынешних рублей.

Ну, кто, скажите, из настоящих коллекционеров откажется купить совершенно ему ненужную вещь по цене в десять с лишним раз меньше, чем она может стоить? Я ведь и колокольчики свои ни разу в антикварных магазинах не покупал не потому, что себе позволить не мог, а потому, что главное удовольствие состоит в том, что ценную, очевидно ценную, нет, всем очевидно ценную, черт, нет, всем специалистам очевидно ценную вещь приобрести совершенно зада-

ром. А тут еще как-никак колокольчик нарисован. Вот я и купил. Дождался конца его байки, сунул двести рублей, не торгуясь (что неправильно), взял книжку и пошел. А чтобы перед собой оправдаться, на обратном пути приобрел, не глядя, бубенчик третий номер и небольшой, миллиметров 40 в диаметре колокольчик гречушной формы с литым ушком и похоже собственным языком, что редкость.

(Поэтому, собственно и взял. В моей коллекции, дай Бог, десять процентов старинных колокольчиков с собственными языками.)

С тем и ушел.

Если разведенный холостяк, и к тому же полный сирота сорока четырех лет виновато осознает, что он опаздывает к себе домой, то у него либо высокая температура с явно выраженным бредом, либо фантомные боли семейной жизни (Кстати, да. У меня постоянное фантомное ощущение обручального кольца, ампутированного семь лет назад). Есть, правда, третий вариант: друг детства обещал привести три бутылки сакэ Choya, купленных сдуру в Рамсторе, в Химках, по дороге из Шереметьева в Домодедово, и час уже томится под дверью, пиная ее ногами и тихо матерясь. Впрочем, внутренним взором я видел, что томится он скорее в своей машине под звуки Noochie Coochie Man и клинское пиво, пристрастие к которому – единственная доступная Полу форма патриотизма.

В общем, так оно и было. У подъезда стояла разбитая восьмерка, в ней сидел Пол. Машину эту он не меняет уже пять лет, называет ее в добром расположении духа Буренка, в похмельном – Корова. Мелодия была Back Door Man. Пиво, видимо, в ожидании сакэ – «Самурай».

(Пол. Родители почему-то думали, что звать его будут Афанасий Полушкин. Но имя и фамилия не совпадали с ним ни в какой период жизни. В семье его звали Афой. Мы дразнили его Ухом и Обезьяной. Это второе прозвище закрепилось ко второму классу, потому что он был маленького роста, а все тело покрывал черный пушок. Позже выяснилось, что и борода с усами у него растут на все лицо чрезвычайно густыми и черными.

Но к тому времени (к бороде и усам) он откликаться на прежние прозвища, а тем более природное имя, категорически не желал.

Лет в двенадцать, когда все внешкольное звуковое пространство заполнила песня «Come Together», Обезьяна раскрутил родителей на покупку гитары клинской фабрики музыкальных инструментов имени Пятнадцатилетия Октября и потребовал называть его Полом.

С гитарой как-то не сложилось. Высшим его музыкальным достижением стало присутствие на сцене с погремушкой в руках во время исполнения нашим школьным ансамблем бессмертного творения Джона Фоггерти «Mole-e-e-e-na». А имя Пол за ним закрепилось уже на журфаке альма-

матери. К тому же на обезьяну стройный молодой человек под два метра ростом, стриженный коротко, вопреки моде, но отпустивший казацкие усы, больше не походил.)

Сюрприз. Пока я шел к машине, Пол достал новенькую цифровую видеокамеру и начал снимать. Терпеть не могу любительской видеосъемки, но, чувствуя вину за опоздание, ничего я говорить не стал. Когда Пол наигрался с камерой и взялся за руль, мы поехали за китайской едой в палатку Хуанхэ на Фрунзенской (не пить же сакэ под картошку). За эти восемь минут туда и четыре обратно Пол в подробностях рассказал мне мотивы и способ приобретения отвратительного агрегата по превращению живых людей в дергающихся манекенов с неестественно выгнутой шеей и торчащими во все стороны руками. Мне удалось за то же время разнообразить разговор шестью «да», двумя «нет», двенадцатью «ну да» и одним «да что ты». И еще напомнить, что надо купить набор очоко в магазине через дорогу.

У меня дома Пол снова предался духовному разврату, время от времени, как все неофиты домашних видеосъемок, снабжая свои действия глубоким и насыщенным комментарием типа: «Ну, вот мы и вошли. Вот значит, какая у Василия квартира. А что это Василий делает, а это он ботинки снимает, сумку кладет на полку и книжку достает. Посмотрим, какая это книжка интересная...» Все это сюсюканье я немедленно пресек, заставив Пола заняться делом, к которому он предназначен судьбой.

Бросив видеокамеру на столик рядом с музыкальным центром, Пол в одно мгновение смешал себе коктейль, что стало первым его сознательным поступком за все время с начала нашей встречи. Я сделал то же самое.

Коктейль этот мы изобрели на пару в апреле 1989 года, когда Пол, прибыв из своей первой зарубежной командировки, привез с собой в пустую страну все необходимое. Рецептuru коктейля из воздуха того времени выловил я, но название «Мой», а главное, принцип составления придумал Пол. Он утверждает, что «Мой» индивидуален, как радужная оболочка глаза и, вероятнее всего, прав, поскольку для того, чтобы отмерить ингредиенты используются пальцы левой руки, обхватывающей стакан (лучше всего китайский hand made из «Икеи»).

«Господь создал пальцы разной толщины, – вещал Пол в тот самый первый раз, – И в этом заложен глубокий смысл. Наливая жидкость в стакан на толщину пальца, мы выражаем собственное Я лучше, чем словами и поступками». В соответствии с этим новооткрытым божественным принципом в коктейль «Мой» входят: джин «Befeete» г, налитый на дно бокала на толщину мизинца того, для кого коктейль готовится; вермут «Martini dry» на толщину безымянного и среднего пальцев, и тоник «Schveppes» на толщину указательного. Таким образом, в стакане, плотно охваченном кистью руки, должна находиться жидкость (смешать, не взбалтывать), доходящая ровно до уровня указательного пальца. Черная

оливка и зеленая маслина, брошенные на дно стакана, символизируют, по словам Пола, гармонию внешнего пространства. Льда не полагается, незачем портить хорошие продукты. Соломинка, по нашему общему мнению, убивает вкус коктейля, который я предлагал назвать «Эгоист», но журналистский опыт Пола, вкупе с его напором и пятью порциями новоизобретенного коктейля, принятыми подряд, убедили меня в том, что название «Мой» точно выражает идею, заложенную в напитке.

Пары глотков оказалось достаточно, чтобы побудить нас к дальнейшим действиям. На кухне Пол откопал большую эмалированную миску и приготовил водяную баню с температурой 39 градусов, чуть не спалив мой ртутный термометр. После чего, довольный, перелил первую порцию сакэ в токкури. Критически осмысляя его действия, я решил, что правильнее нагревать токкури заранее, но говорить под руку не стал.

А вот перед микроволновкой мы вступили в полемику по вопросу, имевшему принципиальное значение: греть ли еду в пластиковых стаканах, в которых она продается, или выложить ее на тарелки. Моя аргументация строилась на четкой логике и строго научной методологии. Во-первых, стаканы придают бессмысленному набору чуждых русскому брюху продуктов универсальную и строго упорядоченную форму цилиндра, что позволит согласовать явно несогласуемое.

Во-вторых, в одной микроволновке за один присест разогревается четыре стакана с едой, а это значит, что вместо бессмысленной беготни между кухней и комнатой с тарелками в руках мы все унесем за один раз и предадимся радостям плоти. В-третьих, тарелки утром Пол мыть не будет, эта часть забав достанется мне.

Аргументация Пола была смехотворна: дескать, жир, используемый при приготовлении, скопился на дне стакана и там же останется, пока не съешь явно пересушенный верхний слой. «Начинаешь есть с сомнением, заканчиваешь с неудовольствием» (Пол). В результате открытого голосования победил Обезьяна, причем, к моему несказанному удивлению, его точку зрения поддержало большинство с перевесом в 2 голоса. Каков народ, таково голосование, сказал Пол. Черта с два, неважно как голосуют, важно, как считают, сказал я и полез доставать тарелки.

Зато выбор музыки остался за мной. Для начала «Solid Sender». На смену – «Harmonica Blues».

В первой четверти XIX века в Парижских салонах строго соблюдался трехчастный порядок ведения беседы: политика, литература, театр. Наши с Полом застольные разговоры упорядочены не менее строго, хотя набор тем не такой разнообразный. За коктейлем Пол во всех подробностях излагает, что случилось с ним, городом и миром в последние дня три. Я обычно издаю поощряющий набор звуков. За столом

он пускается в воспоминания или выдает на пробу очередную теорию жизни собственного засола.

В этот раз Пол поведал новость всех завтрашних желтых газет. Оказывается, за лето в подъездах и собственных квартирах были избиты и вдобавок ограблены несколько профессоров. Живут они в разных концах Москвы, работают в вузах, академических институтах, один в музее. Некоторые знакомы, другие никого из ограбленных не знают. Пять человек только что вернулись из научных командировок на Запад, трое вообще никуда из страны не выезжали.

– Но зацепки есть, – доверительно сообщил Пол после первой фарфоровой чашечки сакэ. – Заметьте, все подвергнувшиеся нападению – гуманитарии: историки, филологи, один философ-культуролог.

– Структуральных лингвистов нет?

– Нет. Но! Вилка есть в этом доме или так и придется рисинкой закусывать?

Я дал ему вилку.

– Но! Как японцы тостуют?

– «Компай», то есть «до дна».

– Компай!

– Но?

– А как тут не до дна?

– НО!?

– Все ограбленные были коллекционерами!

Насладившись эффектом, Пол с видимым сожалением до-

бавил:

– Правда, коллекционеры книжные, библиофилы то есть. Я бросил в него свои палочки.

Семь чашечек спустя разговор повернул в должное русло. Пол начал пересказывать нашу с ним беседу, содержание которой я забыл лет двадцать пять назад. Дело, помнится (Полу, конечно, не мне), было в Крюкове, на даче у нашего одноклассника, в 1978 году. Мы что-то отмечали, не то окончание школы, не то поступление в институты. По сути же была громкая пьянка, замешанная на юношеской сексуальной неудовлетворенности с крупинкой романтической любви. Или наоборот, не помню.

Разговор состоялся после танцев, но до того, как у кого-то первого вдруг возникла настоятельная необходимость выйти в сад, проклиная тогдашнюю моду на коктейль «Международный», то есть смесь коньяка, ликера и шампанского. Пол, всегда любивший выступить в роли провокатора, отстаивал ту точку зрения, что человеку дается две попытки жизни. Первая – черновая, вторая – набело. Я тогда ее высмеял, заявив, что при отсутствии четких критериев установить, является данная жизнь первой попыткой или второй, невозможно. И вот теперь Пол в подробностях воспроизвел свою аргументацию четвертьвековой давности, добавив кое-что новое.

– Я утверждаю, – вилка, вертикально зажатая в кулаке

Пола, напоминала жезл. – Я утверждаю, – повторил Пол, – Что по прошествии тридцати лет можно, в качестве критерия, выбрать следующий: соотношение заявленной жизненной программы с результатами.

– Что считать заявленной жизненной программой? В третьем классе я хотел быть танкистом.

– В третьем классе жизнь воспринимается как комикс. Или мультик. Я говорю о той программе, которая так или иначе начинает воплощаться с окончанием средней школы. Или раньше, если человек способен принимать осознанные решения, влияющие на последующую жизнь в предложенных обстоятельствах.

– Предложенными обстоятельствами может быть война, теракт, или случайная встреча с компанией пятнадцатилетних придурков.

– Немедленная гибель в этих условиях – скорее всего, свидетельство черного варианта, если к этому времени жизненная программа не была уже выполнена.

– Все это умозрительные построения, они ничего не доказывают.

– Так я и говорю, двадцать пять – тридцать лет действий, неважно последовательных или наоборот, противоречивых метаний из стороны в сторону, уже совершенно точно указывают на то, какую жизнь человек проживает. Смотри, в том нашем разговоре участвовало пять юношей и три девушки. Нас двоих пока оставим.

А вот остальные...

Мы стали перебирать остальных.

Марат, хозяин дачи, поэт и легкоатлет, победитель всех возможных олимпиад. Окончил мехмат МГУ, сейчас занят компьютерным обеспечением рационального размещения товаров на полках в серии универсамов «Перепродажа». Вердикт – черновик.

Даша – все каникулы проводила в походах, костер, гитара, «Милая моля, солнышко лесное». Географический факультет, муж-однокурсник, оказавшийся через двадцать лет средней руки олигархом. Домохозяйка, живет на даче, сын в частной школе в Англии, дочь-тусовщица, у самой три пластические операции и пошлейший Мерседес. Вероятно, черновик. Хотя кто его (в смысле ее) знает.

Иван, доводивший учительниц до истерики своей способностью задавать неудобные вопросы. Лучший друг всех несчастливо влюбленных одноклассниц и жилетка для их слез. Поступил в военное училище, бросил, ушел в МАИ, ни года не работал инженером. Сейчас один из самых авторитетных спекулянтов билетами Большого театра. Черновик без вариантов.

Александра, Саша, всех жалела, больше всех – детей и животных. Всегдашняя вожатая октябрят. Плюс хомячки и попугайчики. Педагогический с третьей попытки. Не потому, что дура, а потому, что влюбилась в учителя и два года «готовилась» с ним к поступлению. Два неудачных брака с ро-

весниками. Сейчас владелица туристического агентства. Детей нет. Правда, есть собака. Ротвейлер. Пожалуй, черновик.

Аркадий, сын и внук милиционеров. Человек без чувства юмора. Поступил в милицейское училище, дослужился до подполковника, сейчас держит два киоска в Подольске. Пол – черновик пять к одному. Я – не исключен беловик, но пари бы держать не стал.

Марина. Отличница. Председатель школьного совета дружины. Прима театрального кружка. Таковую осанку я видел еще только в Третьяковке, в скульптурных портретах дам XVIII века работы Шубина. Ее занесло в институт управления. Сейчас бухгалтер, пятеро детей, муж-алкоголик умер два года назад. Увы, черновик.

Сакэ закончился, что заставило нас перейти к последнему пункту программы – твердому кофе по-ирландски. Понятно, что твердость напитка определяется количеством налитого в чашку виски, в данном случае «Jameson». Правильной музыкой под кофе был признан Дюк Эллингтон «New Orleans Suite».

– Судя по всему, – подвел итог нашему импровизированному исследованию Пол, – из всей кампании отчетливо белой вариант только у одного человека – у тебя. Если я не ошибаюсь, с четвертого класса ты уже собирался стать историком? И стал им. Именно ты проживаешь жизнь набело.

– Ну а ты? Ты собирался стать журналистом и стал им.

– Никогда! Никогда я не собирался стать журналистом. Я

всегда хотел быть писателем, даже тогда, когда ты хотел быть танкистом.

– Так что же ты не пишешь?

– Я пишу.

– Что? Статьи?

– Нет, рассказы. Э... рассказ.

– Давно?

– Да лет семь уже.

– И о чем?

– О человеке, который никогда не расставался с портфелем.

– Почему?

– Потому, что он легче воздуха. Когда любимая девушка заставила его бросить портфель, он улетел.

– Да, я собственно, спросил, почему я никогда не читал ничего из того, что ты пишешь? Почему семь лет ты пишешь один рассказ?

– А я разве сказал, что хочу быть известным писателем? Или писателем печатаемым? Для того чтобы стать известным писателем, действительно надо много и разнообразно писать, а главное – публиковать. Чтобы не забыли. Или наоборот. Можно вообще почти ничего не писать. Хотя абсолютное большинство людей помнит любого писателя по одному роману или даже рассказу, чаще всего, потому что не удосужились этот роман или рассказ прочитать в школе, но им про него рассказали. Опубликуй один рассказ, одно сти-

хотворение в нужное время, в нужном месте и все, ты известный писатель. Можешь до конца жизни наслаждаться отзывами о себе вроде: «Глубина таланта этого автора пришлась читателям строго по пояс».

– Что-то я не уловил. Ты не хочешь писать много. Ты не хочешь писать мало?

– Не то. Я пишу много. Но все время один рассказ. Просто я хочу написать такой рассказ, который никто никогда не напишет.

– Неужели ты хочешь...

– Нет.

– Что значит нет?

– А то и значит. Я не собираюсь добиваться ни совершенства формы, ни уникальности содержания, если ты это имеешь в виду. Я хочу написать один рассказ так, чтобы в нем было сообщение, тождественное самому себе. Чтобы смысл и форма до последней буквы, до последнего знака совпадали и не были равны чему-либо еще.

– А потом?

– Когда потом?

– Ну, когда напишешь.

– А потом не будет. Эта задача невыполнима. По крайней мере, в русской литературе. ПИСАТЕЛЬ – это не итог. Это самодостаточный процесс поиска Грааля, в котором чаша – плетение словес, а кровь – истина, сквозь эти словеса пропускающая. Истины же на Руси с покон века не находили.

– Слушай Пол, до меня сейчас дошла разница между нашей отчизной и Европой.

– Ну, слава тебе Господи! Разрешена последняя загадка истории. Западники со славянофилами могут отдыхать и не вороваться в истлевших гробах, их кости...

– Ты послушай, это же твоя теория, только модифицированная. Россия – территория осуществления черновых вариантов жизни. Здесь у нас все делается наспех, абы как, без оглядки, потому что...

– Потому что, это проба жизни, эскиз, первый набросок!

– Дошло наконец. В России и жизни не жалко. Власть тратит жизни десятками тысяч в каком-нибудь шестнадцатом веке и миллионами в двадцатом, потому что все это только так: написал черновик и выбросил. А правильное воплощение жизни в России состояться не может, смотри Чаадаева, «Первое философическое письмо».

Второе не смотри.

– А где?

– Дам я тебе, с возвратом, почитаешь.

– Я спрашиваю, где может состояться правильное воплощение российского черновика?

Вопрос, заданный Полом, показался нам настолько важным, что пришлось перейти к чистому виски.

Давай рассуждать. Давай. Беловой вариант жизни может состояться на Западе. За Запад! Или на Востоке. Компай! На Западе люди точно знают, чего хотят. На Востоке – что

необходимо. На Западе жизнь устоявшаяся и размеренная. Нет неожиданностей. Нет истории, потому что осуществляется лучшее из опробованного. На Востоке... а о каком Востоке мы говорим? Не о мусульманском точно. Индия? Китай? Япония? Предлагаю гипотезу. До девятнадцатого века Китай был страной беловых вариантов всего Востока. Это очевидно, как и то, что в двадцатом веке на Китай полагаться нельзя. Но! В семнадцатом – девятнадцатом веках, в Японии эпохи Токугава произошла перезагрузка. Япония двадцатого века – страна окончательного варианта жизни для душ Востока. А Южная Корея – для Северной.

А как быть с Африкой? А никак. Африканские души переселяются в Россию, чтобы стать черновиками. Россия – страна пушкиных, Запад – страна гётов. Кого? Гёте – белой вариант Третьяковского. Стоп. Василий Кириллович Третьяковский умер в 1768 году. А Иван Вольфганг Гете родился в 1749. Не получается. Значит Гёте – белой вариант Симеона Полоцкого.

На том и порешили.

Заканчивался вечер под диск «По волне моей памяти». Это единственное музыкальное творение на доступном нам обоим языке, которое мы можем слушать вместе. Я давно заметил, что от любимых Полом бардов у меня значительно раньше времени наступает похмельный синдром. Пол же предложенного мной как-то раз БГ назвал «индейской разлюли малиной», что положило конец нашим спорам о путях

развития отечественной актуальной музыкальной культуры
раз и навсегда.

Понедельник

В одном современном романе британского, кажется, автора (я их последнее время беру, не глядя, с полки в абонементе Исторической библиотеки) героиня все время откладывала самоубийство, объясняя это тем, что она с каждым новым днем может узнать что-то для себя новое. Так вот, я должен авторитетно заявить, что отлагать самоубийство для того, чтобы узнать, как сакэ сочетается с ирландским виски, не стоит. Все-таки, как во времена оны говаривал мой научный руководитель, нужно уметь расставлять приоритеты.

В общем, утро понедельника было продолжением и развитием утра воскресенья. Погоды как таковой, видимо, за окном не было. Внутреннее самочувствие было под стать. Проснувшись в десятом часу, я отправился проведать Пола.

Квартира у меня двухкомнатная, комнаты расположены вдоль длинного коридора, ведущего от входной двери к кухне. Для того чтобы сказать Полу «доброе утро», надо выйти из той комнаты, где вчера мы с ним беседовали (назовем хоть так) и где я остался спать, повернуть налево, прошагать шесть шагов и открыть дверь «комнаты с колокольчиками».

Эта комната жилая условно. Я ее отвел под коллекцию. Там на потолке соорудил мне один знакомый умелец деревянный каркас в виде перекрещивающихся ромбами брусьев из дуба. В брусья врезаны латунные крючки, на которые я

на леске подвешиваю свои колокольчики. Потолки в квартире большие, и колокольчики свешиваются метра на полтора, находясь примерно на уровне моего лица. Те, что подвесить нельзя или нежелательно (а таких у меня немного), расставлены на буковых полках у правой стены. Вдоль левой стены – полки с литературой: художественной, по специальности и о колокольчиках. Рядом кресло-кровать для гостей мужского пола. Если Пол засиживается за полночь, то отправляется в «комнату с колокольчиками», а далее, по обстоятельствам, или спит до полудня, или готовит нам завтрак. Но в этот раз он смотался рано утром, не разбудив меня и даже не оставив записки. Забытая в моей комнате видеокамера так и лежала на журнальном столике. Я убрал ее в ящик письменного стола и пошел жить дальше, как бы мне этого не ни или ни не хотелось.

Если с завтраком (йогурт и кофе) я, в общем-то, справился, то дорога к месту работы стала предметом дискуссии между разумом и телом, что наглядно подтверждало теорию Леона Батиста Альберти о трех составляющих человеческой личности (теле, разуме, чувстве) и воле, как единственном качестве человека, способном их примирить. Третья составляющая с утра отмалчивалась. Воля не прощупывалась вообще. Поэтому победило тело, заявившее о том, что в таком состоянии, в котором оно пребывает, троллейбус и маршрутка, со всеми их ускорениями и торможениями, пробками и выхлопными газами, абсолютно невозможны, ни как сред-

ство передвижения, ни как способ прийти в себя. А только как способ из себя выйти. И то, что окажется снаружи, вряд ли кому-нибудь понравится.

Разуму, попытавшемуся вставить два слова на тему о том, что у троллейбусов выхлопных газов нет, было немедленно указано на то, что расстроенный вестибулярный аппарат, принадлежит телу, а страдать будут все. Вообще я заметил, что язык тела чувству понятнее. А значит, квалифицированное большинство, как правило, не на стороне разума. В общем, пришлось спускаться в метро на Фрунзенской, выходить на проспекте Вернадского, а дальше пешком. Единственное утешение рационального сознания – лишний раз использован проездной на метро.

Первый рабочий день в моем кампусе по традиции посвящен утрясанию расписания. Симпатичная инспектриса, которая готовит это самое расписание на юридическом факультете, слегка похожа на таксу. Маленькая и стройная шатенка, она цокает своими шпильками, как коготками, по факультетскому паркету и с удивительным проворством проникает сквозь закрытые двери деканатских кабинетов. Ее острое личико с веселыми черными глазками и доверчивой улыбкой с такой стремительностью обращается к каждому вошедшему, что сразу с порога хочется ее погладить. Два раза я безотчетно поднимал руку, потом неловко делая вид, что поправляю прическу и галстук.

Но! (Как говорит Пол.) Ее отзывчивость к преподавателе-

лям и откуда-то все время берущимся студентам, приводит к тому, что дело часами не двигается с места, поскольку она стремительно бросается за тапочками, каждого входящего, то есть, конечно же, берется выслушивать его просьбы и пожелания, забывая обо всех остальных окружающих. Всего-то через три часа удалось выяснить, что: а) мой спецкурс на третьем курсе стоит во вторник четвертой парой; б) лекция по культурологии на первом курсе – первой парой в пятницу; в) семинар – в тот же день второй парой и два семинара с утра в субботу.

Ну, суббота дело святое. По моим наблюдениям, суббота создана не для евреев. Она придумана специально для вузов, для занятий историей, физкультурой и информатикой, и более ни на что не пригодна. А вот то, что спецкурс мой поставлен не первой парой в понедельник, я расценил как явное доказательство возможности чуда в наше полное ложных суеверий время.

Процесс утрясания утрясания, крайне бестолковый по своей сути и утомительный по содержанию, навел меня на мысль посвятить остаток дня и вечер коллекции. Я засел было за компьютер, чтобы привести в божеский вид каталог и решить, наконец, вопрос, мучающий меня, как трещина в пятке, последние месяцев шесть. Вопрос такой: должен ли каталог в «Ворде» (а другими приложениями я не владею) выглядеть как таблица или как обычный текст?

В моей коллекции часть колокольчиков – сувенирные. Я их не покупаю, их мне дарят. Друзья привозят из разных районов страны и из-за границы. Я их обозначаю шифром К/С, порядковым номером, а в каталоге указываю высоту, диаметр, материал, из которого сделан (преобладают латунь и керамика), время и страну приобретения. Колокольчики с шифром К/С-Р предназначены для того, чтобы брать их в руки и звонить. Они то и стоят на полках. Но их у меня мало, и среди них старинных или исторических один-два.

Со старинными колокольчиками (шифр К/И) все гораздо сложнее. Во-первых, они делятся на поддужные и подшейные. Эти последние, так называемой гречушной формы, без ярко выделенной юбки, не звенят, а гремят. Во-вторых, поддужные колокольчики хотя и имеют примерно одинаковую форму (для начала XIX века – валдайскую), но изготавливались не только на Валдае, но и в Вологде, в Сибири (Тюмени и Шадринске), в Московской губернии, в Касимове, в городке Слободском, Вятской губернии. Вот эти последние (а также гречушные слободской разновидности) и составляют не большую, но лучшую часть моей коллекции. Остальные колокольчики – подарки и те, что чем-то привлекли внимание. Ведь (и это в третьих) на колокольчиках бывают изображения – орлы или ангелы в клеймах, плоды и цветы; надписи, порой очень оригинальные. Наконец, встречаются колокольчики с необычным соотношением тулова и юбки, с поясами и проточками, с надписями на обресе юбки. И это

не говоря о разнообразных формах ушка, петли, за которую цепляют язык, и самого языка!

Мне до сих пор не удалось разработать такой шифр, в котором бы были отражены все элементы классификации, как то: место и время изготовления, материал, предназначение, форма и наличие индивидуальных черт. А за то, чтобы обозначать в шифре авторство, я даже и думать не брался.

Тут же, в связи с увеличением числа бубенчиков до десяти, обозначилась новая серьезная проблема: нужно ли к шифру Б и порядковому номеру арабскими цифрами вводить в дополнение год приобретения, а также номер бубенчика, в соответствии с его весом и звучанием? И не будет ли новый шифр, например, Б-4/03_5 слишком громоздким? Увы, ни одной из этих проблем мне в тот вечер, как впрочем, и во все последующие, решить не удалось, потому что около пяти часов мне в дверь позвонили.

Я и так не люблю гостей, заявляющихся без звонка, хотя бы даже от подъезда, по домофону. А тут первый раз за день задумался – и на тебе! Но открыл.

На пороге стоял чопорный, пожилой, совершенно лысый, кто? – напрашивается джентльмен, но уж джентльменом он никак не был. Мужчина? Ну да, в общем. Строгий костюм по моде 1975 года и, похоже, того же года производства, сегодня смотрится супермодным. Остроносые полуботинки. Белая рубашка, застегнутая на все пуговицы. Галстука нет. Морщины, но в меру. Очень правильные и очень бледные

зубы. Грустные глаза. Тонкие когда-то, а сейчас шишковатые пальцы. Часовщик на пенсии.

Он представился Кербером Семеном Сигизмундовичем, отказался от чая и кофе, ничего другого предлагать я не стал.

Беседу нашу дословно у меня воспроизвести не получается. Семен Сигизмундович говорил с видимыми затруднениями, нехотя и как будто что-то ища взглядом у меня за спиной. Долгие паузы между его высказываниями я вынужденно заполнял невнятным, то утвердительным, то вопросительным бормотанием.

Семен Сигизмундович, пристально глядя куда-то в окно, начал с того, что он библиофил, и надеется, что как коллекционер, я его пойму. Я выразил осторожную надежду, что да, подавляя желание заглянуть себе за спину. Его интересует духовная и масонская литература конца XVIII – начала XIX века. Я больше взглядом, чем словами, показал, что ничего не имею против. И вот он сегодня узнает, что Иван Степанович... мое невнятное недоумение было быстро развеяно: Иван Степанович – усатый торговец с Измайловской ярмарки. Так вот, этот самый Иван Степанович, постоянный, так сказать, поставщик Семена Сигизмундовича, продал мне книгу, которая его чрезвычайно интересует. Что ж за книга? Да поэма анонимного автора, опубликованная в 1818 году под названием «Черты Ветхого и Нового Человека». То есть... То есть готов он купить у меня эту поэму по цене чуть сверх разумной или обменять ее на колокольчик, коий был

мне немедленно продемонстрирован.

По первому взгляду колокольчик был если не уникаль-
ный, то из редких. В очень хорошем состоянии, целый, без
трещин и вмятин, со своими, а не чужеродными ушком, пет-
лей и языком. Форма – валдайский. Тулово от юбки отде-
лено валиком и двумя проточками. На тулове три клейма с
двуглавыми российскими орлами. На юбке хорошо читалась
надпись в три яруса. Два верхних яруса составляла надпись:
«Разливайся песня звонко, колокольчик не молчи». В ниж-
нем ярусе подпись: «Лил Михаил Катаев в Слободском» и
датой «1805».

Передо мной был самый ранний датированный поддуж-
ный колокольчик из Слободского, с никогда ранее не встре-
чавшейся надписью. Более того, фамилия мастера «Катаев»
попадалась мне в литературе, но изделия его были неизвест-
ны. А первыми датированными работами до сих пор счита-
лись колокольчики мастера Луки Каркина 1806 года, Миха-
ила Макушина, того же года (но я его работ не видел), и
Василия Бородина 1807 года с надписью: «Кого люблю то-
го дарю». Этот последний колокольчик я сам купил там же,
на Измайловском рынке за полторы тысячи рублей, всласть
поторговавшись, дважды уходя насовсем и возвращаясь, со-
провождая торговлю кручением шеей, закатыванием глаз и
тому подобными церемониальными приемами, главная цель
которых не сбить цену, а проявить уважение к продавцу и
роду его занятий. Ну и чтоб ему было потом, о чем расска-

зять.

А за такой колокольчик, который сейчас был передо мной (если он подлинный), я отдал бы всю свою библиотеку и половину коллекции.

Стараясь не подавать вида и понимая, что уже подал, что весь с потрохами в его Семена Сигизмундовича власти, я рассмотрел колокольчик в лупу. Не заметил явных признаков подделки.

Вернул колокольчик владельцу и пробормотал что-то такое в принципе согласное с нотками сомнения, долькой удивления и слабоуловимым мотивом недоверия во внезапно осипшем голосе. Все это парфюмерное разнообразие моих чувств гость пропустил мимо ушей. Он сидел и ждал, ясно понимая, что мне даже не надо говорить «да».

Я все же поинтересовался, чем привлек моего посетителя именно тот экземпляр поэмы, что сейчас находится у меня, и получил вполне убедительный ответ.

– Дело в том, – сообщил мне библиофил, – что при издании поэмы, первоначально была допущена ошибка. Вместо утвержденного цензором варианта в типографии набрали черновик. Когда же ошибка обнаружилась, первый выпуск в несколько десятков уже сброшюрованных экземпляров пришлось пустить под нож. Несколько книжек – совсем малое количество – сохранилось. Не для продажи, а в качестве... сувенира, что ли, для самого автора и нескольких его друзей. Вот эти экземпляры и обладают определенной цен-

ностью, но исключительно для специалистов и коллекционеров.

Я извинился, вышел в коридор, где, как мне казалось, на тумбочке у входа должна была со вчерашнего вечера лежать поэма. Ее там не было. Я вернулся в комнату, где сидел коллекционер, извинился еще раз, осмотрел комнату с колокольчиками (стеллажи и полки), кухню (все открытые поверхности), коридор (пол), снова комнату с колокольчиками (пол и кресло-кровать), кухню (внутренности трех полок), коридор (за и под тумбой, шкаф для одежды, газетница), зачем-то заглянул в ванную и туалет, вернулся в комнату, но ничего там осматривать не стал.

Мой гость сидел, похоже, в той же позе, в которой я его оставил, и терпеливо ждал. Я сказал ему, что да, мол, купил поэму, что обмен, предлагаемый им, меня в принципе (в принципе! сжевать бы язык!) устраивает. Но в данный момент у меня нет на руках книги, я отдал ее э... утром э... коллеге... специалисту... которому она может быть интересна, но в ближайшее время собираюсь получить ее обратно...

Он даже не удивился, как будто ждал, что так оно и будет. Огорчился, да, это было заметно, но не ни одного вопроса («Неужели? Так быстро?»), ни одного замечания («Как жаль. Зачем вы так поспешили?») от него я не услышал. Он предложил мне оставить колокольчик у себя на несколько дней, как знак предварительной договоренности, положил на журнальный столик визитную карточку, чопорно попрощался и

ушел. На визитке значилось: «Кербер Семен Сигизмундович. Стоматолог». И номер телефона.

После его ухода я обыскал всю квартиру целиком, но книги не нашел. Значит это Пол, решил я. За ним такое водилось. Он мог и в холодильник залезть в любом доме, без ведома хозяев, и зонтик, взятый для того, чтобы добежать до Буренки, таскать потом полгода и вернуть в виде подарка на новый год. А уж книгу с полки снять... Но духовная поэма неизвестного автора начала XIX века! Ее-то зачем тащить? Он что, читать ее будет?

Я набрал номер мобильного Пола. Не доступен. Дома трубку взяла жена Елена свет Богдановна. Процесс общения с ней по телефону напоминает мне игру «Угадай чего-то там», причем игроком всегда бываю я, а ведущей – она.

(Давным давно, на первом курсе у нас с ней зацвел неспешный роман, в ходе которого я был представлен ее родителям, а Елена – Полу. Ну, собственно на этом роман и завял, а Ленка с головой ушла в походы, байдарки, песни у костра и чем там еще в это время Пол брал девушек. Тут, правда и у Пола с девушками все... На время. Мы дружили домами, но последние лет шесть, после того как Ленка убедила себя в том, что Пол пьет исключительно для того, чтобы не оставлять мне всю водку, мы разговариваем только по телефону, причем она задает мне заранее заготовленный набор вопросов и выдает свою оценку моей жизни в целом, а также последних дней (недель, месяцев) в частности).

В этот раз первым вопросом викторины был «Где Пол?» После того, как выяснилось, что меня интересует ответ на тот же самый вопрос, в виде исключения был дан ответ. Мой друг (сказано было «ТВОЙ друг») отсутствует со дня нашей с ним встречи. После этого из нашего обмена междометиями можно было понять, что вина за отсутствие Пола в семье лежит на известной сомнительной личности, чью натуру Елена раскусила на первом курсе альмаматери. Положим, тогда она ничего раскусывать не собиралась, но женская память изменчива.

Вечер был безжалостно загублен, я уже собрался поставить «How Blue Can You Get», выпить глоток «Glenfiddich'a» и разогреть в микроволновке куриные крылышки из Ростикса, как вновь раздался звонок. На этот раз телефона.

– Здорово, культуролог!

Звонил академик Охотников, мой научный руководитель времен диплома и кандидатской. Его бас накрыл меня сразу и целиком, заставив забыть о дурацком вечере, состоявшем из одних обломов. "К" в его обращении подозрительно походила на "Х", но я предпочел этого не заметить.

– Добрый вечер Глеб Борисович, как поживаете.

– Креново, как еще в моем возрасте поживать. Да я не затем звоню, чтоб с тобою лясы точить. Дело у меня к тебе. Слушаешь?

– Да, Глеб Борисович.

– Дурочка одна у меня на кафедре диссертацию накарябала, о московских масонах начала XIX века. Нужен отзыв от твоего ПТУ. С проректором я уже договорился. Он мне должен и будет должен. Напишешь за неделю?

– А что ж к нам в ПТУ, что не в институт истории?

– Говорю ж тебе – дура. К тому ж на седьмом месяце. Что ж мы будем народ смешить. Значит так, у тебя две задачи. Слушаешь?

– Да.

– Проследить, чтобы не было целиком списанных страниц из Пыпина, Соколовской или Серкова. Это – раз. Написать что-то невнятно одобрительное. Это – два. Сделаешь?

– Для вас, Глеб Борисович...

– И ладушки. Сможешь заехать ко мне в среду? Диссертацию возьмешь, еще кое о чем поболтаем.

– Обязательно.

– Ну, так до среды.

Академик отключился, а я пошел на кухню за Гленфильдихом, бормоча под нос: «Это – раз, это – два, тоже мне Бриллинг нашелся».

Вторник

Первая лекция спецкурса в семестре у нас пробная. Студенты ходят от преподавателя к преподавателю, выбирают, куда записаться. Мой курс «Христианские ценности в истории мировой культуры» малоизвестен, он в сетке расписания только с прошлого года. Задумал я его «открытым», то есть не подчиненным жесткому плану, что в альмаматери, например, совершенно невозможно, а в моем коммерческом вузе запросто. Называется «Инновационные технологии в образовании». Суть спецкурса в ассоциативных связях христианских символов, представлений и обычаев с другими явлениями культуры, как современными нам, так и ушедшими в прошлое. Темы выбираются произвольно, по настроению, а сама тематика постоянно расширяется, захватывая все новые и новые сферы культурного пространства. В этот раз я выбрал для первой лекции Иуду, главным образом потому, что подготовил эту тему в прошлом году, но читать тогда не стал. Мне хотелось посмотреть, смогу ли я заинтересовать кого-то, начав с середины и двигаясь от этой точки не к началу или концу, а все время куда-то вбок.

Выйдя из дома, я почувствовал себя в силах выдержать наземный транспорт, вошел в двадцать восьмой троллейбус и немедленно об этом пожалел, будучи притиснут к окну толпой студентов. По моим наблюдениям студенты – это суще-

ства, чье сознание пресекается с реальностью лишь несколько раз в году, причем на лекциях и семинарах – никогда. Все их время занимает так называемое общение, то есть максимально нелепая смесь рук, смеха, взглядов, шепота, смеха, эсэмэс, восклицаний, смеха... и все это сразу обрушилось на меня.

Не склонный обычно пристально разглядывать кого-либо из современников, я волей не-волей уставился на девушку, к которой был почти прижат. Собственно, сначала я увидел ее губы. По-детски припухлые, не красные, а розово-светло-коричневые, они были мне почему-то очень знакомы, как будто я их видел уже не раз, да и буквально только что. Потом уже до меня дошло, что они мне напомнили. Обычно, готовя себе завтрак и перемешав сахар в чашке кофе, я опускаю чайную ложку в баночку с йогуртом. И в те утра, когда все складывается – сахар не посыпается, кофе из турки не проливается, яйцо на сковородке не расплывается отвратительной желтой кляксой, тогда на поверхности йогурта кофейная пенка образует контур вот таких губ.

А тогда я стоял и пялился на эти губы, радуясь уже тому, что их обладательница меня в упор не видит и можно смотреть и смотреть еще. На губы, на пушок щек, на волосы, густые, прямые, удивительного цвета: темные у корней и совершенно светлые, как бы совсем выгоревшие, у концов. Я даже не знаю, была ли она красива. Она была молода, лет восемнадцати – дватнадцати. Но производила впечатление

очень спокойной, уверенной в себе и, не знаю почему, хорошей в самом детском понимании этого слова. Хотелось взять ее за руку и больше не отпускать в течение всей остальной жизни.

И размышлял я тогда о том, что вот именно такие девушки всегда достаются другим и никогда мне. Вот коллега мой доцент Х, уже бы и сказал что-то игриво-шутливое, и, глядишь, телефон бы урвал, с его ста семидесятью двумя сантиметрами, морщинами и одним вставным зубом. Вспомнился мне тогда еще китайский мудрец, который переплыл в одной лодке с двумя красавицами с одного берега реки на другой и за это время успел пережить в своем воображении все возможные любовные наслаждения с каждой из них в отдельности и с обеими вместе. Я не успел.

Она вышла на остановке у первого корпуса гуманитарных факультетов альмаматери. А я, не китаец, не мудрец и, увы, даже не доцент Х, поехал дальше, вяло рассуждая, на каком факультете такая девушка должна учиться: очевидно, не на философском и, вероятно, не на юридическом. Исторический? Филологический? Госуправление? Да какое до того дело мне, преподавателю, следующему в троллейбусе номер двадцать восемь по казенной надобности?

Аудиторию мне выделили поточную, уходящую рядами столов куда-то за горизонт. В этой аудитории студенты героической судьбы любят отсыпаться на задних рядах после

ночных подвигов, а студенты судьбы страдальческой – в голос беседовать о своем, о девичьем. Но, правда и народу на «пробник» набралось много: десятка четыре, а то и все пять, ошарашенных своей решимостью посещать занятия третьекурсников. Большая часть слушателей мне была знакома по первому курсу, так что контакт найти удалось довольно легко. Одно только удручало – приходилось напрягать голос, а я не люблю «вещать» на лекции. Да еще образ моей случайной попутчицы никак не шел из головы. Глаза у нее были такие, понимающие, что ли. К тому же она была «низкий каблук».

Я делю своих студентов на две категории: костюм и джинсы. Студенток – тоже на две категории: низкий каблук и высокий каблук. Если на девушке туфли с высоким каблуком, то, как правило, много косметики, полкило украшений, дорогая, реже стильная одежда. Такие студентки, как правило, генетически не приспособлены к усвоению знаний. Кроме того, они перманентно заняты устройством своей судьбы. По этим двум причинам, кстати, они до аудиторий почти никогда и не доходят: пьют кофе и курят на «сачке». Но если «высокий каблук» умна и деловита, лучше не вставать у нее на пути – сметет и не заметит. А «низкий каблук» мне нравится тем, что девушка в мокасинах или кроссовках почти никогда не чувствует себя центром мира. Ей все вокруг (еще) интересно, она любит учиться, а главное, ОНА ПОНИМАЕТ, ЧТО ЕЙ ГОВОРЯТ!!! А это так приятно.

Сретенский В. М.

Образ Иуды в христианской культуре.

[лекция]

Образ Иуды (а мы сейчас говорим не об образе, подлинном живом Иуде, а именно об образе – обработанном, описанном и преображенном исходном материале) в христианской культуре не вполне очерчен и прорисован. Он постоянно на виду и в то же время размыт, на нем трудно сфокусировать взгляд, проще не заметить, как мы обычно не замечаем все явления пошлые, то есть, по Далю, древние, стародавние и тем самым общеизвестные и наскучившие.

В православном народном сознании имя Иуда – синоним предательства. И, пожалуй, больше ничего в нем не найдешь.

Ясно, просто и скучно. Никакого преображения, никакой фантазии, только брань: «Наш Иуда ест без блюда». Или набор благоглупостей: «Иудою свет пройдешь, да удавишься», «Чем Иудою быть, лучше на свет не рождаться».

Было бы совсем странно, если бы народная фантазия совсем никак не погуляла на столь просторном поле. И погуляла. Но разгул этот и широк и одновременно узок. Вот как, например, в Белоруссии, в девятнадцатом веке объясняли, по-

чему нельзя класть ложку на стол доньшком вверх. Оказывается, так поступал Иисус, в отличие от всех своих учеников, которые опускали ложки доньшком вверх. Иуда рассказал об этом стражникам и таким образом они узнали Иисуса. Иуда почти во всех народных сказаниях сознательно и вполне последовательно выбирает сторону зла. В одном из них, записанном в Смоленской губернии, Иисус, спустившись в ад, предложил Иуде покинуть его. «Мне и здесь хорошо», – отвечал Иуда, лежа на печи. В другом сказании Иуда научил бесов выращивать на погибель людям адское зелье – табак. Побывал он и разбойником и «беззаконным чертом».

В культуре «высокой» не все так однозначно. Вот как, например, представлен Иуда (пунктиром) в ближайшем к нам двадцатом веке.

Первое десятилетие. Леонид Андреев. Рассказ «Иуда Искариот» (1907 г.). Иуда в начале рассказа – полное собрание человеческих мерзостей. Он уродлив: слеп на один глаз, с черепом, «точно разрубленным с затылка двойным ударом меча». Его голос то мужской глубокий, то женский крикливый. Иуда корыстолюбив, коварен, он притворщик и лжец, он видит в людях только дурное. Но затем оказывается, что он и только он видит в Иисусе Бога. Предавая его, он доказывает слепоту ВСЕХ вокруг – учеников, не вставших на его защиту; матери, оплакивавшей его как человека; судей, считавших, что они избавились от Иисуса, предав его казни. Один лишь Пилат зряч, он говорит толпе, что подсудимый неви-

новен, и получает благодарность Иуды: «Ты мудрый, мудрый!..» Иудой, по Андрееву, движет вера в то, что он, и только он, будет подле Иисуса, когда тот вернется на землю. Предательство станет высшей формой верности, а верные узрят свое предательство.

Тридцатые годы. М.А. Булгаков. Роман «Мастер и Маргарита», слишком хорошо известный, чтоб о нем здесь много говорить. Отметим лишь, что ослепленный, как и все в те годы, вспышкой чистой власти, Булгаков все внимание отдал персонажам, ее олицетворявшим. И прежде всего Пилату – заложнику власти и ее орудию. Иуда же в романе – не более чем животное на двух ногах, лишенное индивидуальности, страха, сомнений. Он полон похоти и алчности, да и то не до страсти. Похоть и алчность – лишь признаки данной формы существования белковых тел. Все доносчики, что фигурируют в романе, составляют с Иудой один вид. Донос для них – естественная форма обеспечения собственной жизни, более легкая, чем труд, и менее рискованная, чем воровство. Поэтому смерть Иуды в той же мере (нет в большей мере) – проявление силы власти, как и смерть Иешуа. Собственно говоря, Иуда в романе не более чем пустота, которую следует заполнить властью. Он – оправдание власти, поскольку не является ее порождением, более того, власть и нужна для того, чтобы все человеческое сообщество не стало скоплением иуд.

Годы 1970-е. Рок-опера Эндрю Ллойда Вебера и Тима

Райса «Jesus Christ Superstar». Опера написана в 1970 и поставлена в Нью-Йорке в 1971 году. Это время завершения молодежного бунта, замешанного на идеалах анархизма, известного также как «студенческая революция» 1968 года. Иисус здесь – прямой выразитель этих самых «молодежных» идеалов, представлявших собой суперотрицание действительности, облеченное в дурацкую форму «левацких» идей от анархизма до маоизма на фоне гипертрофированной сексуальности. Он выступает против власти, каждым своим словом и каждым жестом. Иуда же – бунтарь, не признающий власти бунта, он анархист, в степени X, его предательство – признание в том, что между правителем и лидером бунтарей нет разницы, оба они отбирают свободу. Бунт Иисуса оборачивается новой властью, бунт Иуды – предательством и саморазрушением. Лучшей иллюстрации анархизму, а точнее – тому, как это учение Прудона, Бакунина и Кропоткина было понято и истолковано в двадцатом веке, найти, на мой взгляд, невозможно.

Последнее десятилетие XX века. Жозе Сармаго, португальский писатель, нобелевский лауреат 1998 года. Роман «Евангелие от Иисуса» (1997 г.). Иуда в этом романе один из всех сознательно «играет» в команде Иисуса и против Бога. Он нашел в себе силы усомнился в замысле Бога-Отца. Он единственный, кто понял, что Иисус собирается принять казнь вопреки божественной воле.

Иисус, в отчаянии, что его жизнь будет лишь поводом к

возвеличиванию Бога в сонме других богов и к последующей тысячелетней резне во имя дикой (а на самом деле гегельянской) идеи самовозвеличивания Бога посредством истории человечества, просил всех апостолов донести на него в Храм. Принял же его замысел и согласился выполнить просьбу только Иуда. Он не брал денег и повесился сразу же, как Христа арестовали и повели на суд.

Что же дает основания для столь разнообразных трактовок образа Иуды? Рассмотрим те факты, что предоставлены нам первоисточником (как говорят историки), то есть Новым Заветом. Во-первых, Иуда был одним из 12 призванных, которым Иисус дал «власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Матф., 10. 1).

Следующее упоминание об Иуде мы встречаем только за неделю до казни Иисуса, в сцене миропомазания. Вот ее описание у Иоанна: «Мария же, взявши фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги его; и дом наполнился благоуханием от мира. Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать его, сказал: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботиться о нищих, но потому что он был вор: он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали. Иисус же сказал: оставьте ее...» (Иоанн, 12. 37)

Вопрос: почему Иуде Иисус говорить не оставь, оставьте? Ведь библия не знает обращения во множественном числе, как формы вежливости. Если уж сказано «оставьте», то сказано многим, если не всем. Ответ в текстах других евангелистов: «Увидевши это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? (Матф., 26. 14); «Некоторые же вознегодовали и говорили между собой: к чему сия трата мира. (Марк, 14. 4)

Итак, сообщение Иоанна вступает в противоречие, как с указаниями его товарищей, так и с собственным дальнейшим текстом. Не один Иуда усомнился. Вместе с ним роптали и другие.

А это бросает тень сомнения не только на саму сцену миропомазания в передаче Иоанна, но и на его заявление: «Иуда – вор».

С другой стороны, эта же сцена миропомазания дает Матфею эмоциональный повод для объяснения предательства. Рассказ о сговоре с первосвященниками он дает в стык с этой сценой: «Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам И сказал: что вы дадите мне, если я вам предам Его. Они предложили ему тридцать сребреников» (Матф., 26. 14-15). Так же строит рассказ Марк: «И пошел иуда Искариот, один из двенадцати, к первосвященникам, чтобы предать его им» (Матф., 14. 10). А вот у Луки сцены миропомазания нет. Нет и повода: «Вошел же Сатана в Иуду, прозванного Искариотом, одного из две-

надцати, И он пошел и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его передать им» (Лука, 22. 3–4).

Затем, во время тайной вечери (то есть в четверг – прошла неделя) Иисус предсказывает предательство Иуды: «Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст меня... При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал» (Матф., 26. 23, 25). Эти строки позже толковались как одновременное опускание рук в блюдо Иисусом и Иудой, что особенно заметно в некоторых иконописных сюжетах Тайной вечери. Но у Марка та же сцена передана по-другому: «... ядущий со мной да предаст меня» и «... один из двенадцати, обмакивающий со мною в блюдо» (Марк, 14. 18, 20). У Луки: «И вот рука, предающая Меня, со Мною за столом» (Лука, 22. 21). То есть Иисус образно, как всегда, указал лишь на то, что предатель находится рядом с ним, за одним столом.

У Иоанна же Иисус указывает на предателя хлебом: «... тот, кому Я, обмакнув кусок хлеб, подам» (Иоанн, 13. 26), но никто этого предсказания не понял, равно как и того, что сказал Иисус Иуде после того, как подал ему кусок хлеба: «... что делаешь, делай скорее».

В ночь на пятницу Иуда привел воинов в Гефсиманский сад, где молился Иисус и поцеловал его со словами «радуйся Равви!» (Матф., 26. 49); или же: «Равви! Равви!» (Марк, 14. 45); или же, наоборот, поцеловал молча, а говорил Иисус: «Иуда! целованьем ли предашь Сына Человеческого? (Лу-

ка, 22. 48); или же вообще не целовал, если верить Иоанну: «Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищите? Ему отвечали: Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я. Стоял же с ними и Иуда, предатель его». (Иоанн, 18. 4–5).

О дальнейшей судьбе Иуды повествует один лишь Матфей: «Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам. Говоря: согрешил я, предав Кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился» (Матф., 27. 3–5). В книге же Деяний приводятся слова апостола Петра на собрании «ста двадцати мужей» об Иуде: «Он был соприсчислен к нам и получил жребий служения сего; Но приобрел землю неправедною мздою, и, когда низринулся, расселось чрево его и выпали все внутренности; И это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та названа Акелдама, то есть "земля крови"» (Деян., 1. 17–19).

Итак, если убрать противоречия в рассказах евангелистов, то все, что нам известно об Иуде с хотя бы какой-то мерой достоверности, уместается в пять тезисов:

1) один из 12 доверенных учеников Иисуса предложил первосвященникам и старейшинам «выдать» Иисуса, то есть показать, где его можно найти.

2) за это он выторговал себе награду (30 сребреников).

3) Иисус знал о готовящемся предательстве, но не помещал ему.

4) Иуда привел воинов к месту, где находился Иисус.

5) Затем он раскаялся, вернул деньги и покончил с собой.

Спорными же, в Евангелиях являются три главных момента:

– был ли Иуда единственным, кто осуждал Иисуса за использованное миро.

– целовал ли он Иисуса, указывая на него стражникам.

– вернул ли он деньги, полученные за предательство, в Храм или купил на них участок земли.

– каким способом он покончил с собой: повесился или может быть бросился со скалы, если в деяниях апостолов говорится о «рассевшемся чреве».

Наиболее распространена все-таки версия о самоповешении, причем иконописцы и авторы книжных миниатюр изображают Иуду повешенным на дубе или на финиковой пальме, а также на перекладине ворот.

Другими словами, евангелисты сообщают, ЧТО произошло, противоречат друг другу в рассказе о том, КАК это происходило. И совсем не говорят о том, ПОЧЕМУ, если не считать объяснением вселение в Иуду дьявола. А если и считать, то почему в Иуду, а не в кого-либо еще? Почему Иуда решил предать именно на Пасху? Почему он ждал неделю, чтобы показать Иисуса властям? Почему его вообще надо было показывать, если «множество народа постилали свои одежды»

при въезде в Иерусалим (Матф. 21. 8)? Почему Петр отрубил ухо рабу первосвященника, но никто не пытался расправиться с Иудой? Таких «почему» можно задать еще много, но что толку, если мы не владеем больше никакой сколько-нибудь достоверной информацией о тех событиях?

И вообще, кто он такой, этот Иуда? Тут есть одно размышление, мне не принадлежащее. По прозвищу Искарriot можно предположить, что он происходил из города, по-гречески обозначаемого как Керriot, видимо, небольшого поселения Керриафу в Иудее. Тем самым Иуда отличен от всех других апостолов, родившихся и живших в Северной Палестине – Галилее. Другой вариант трактовки его прозвища – красильщик (от еврейско-арамейского корня *skg* – красить) – возможно, указывает на занятия до того, как он стал одним из двенадцати.

Но что же делать со всеми поставленными (и не поставленными, но ожидающими своей очереди) вопросами? Есть два пути. Первый – не обращать внимания на противоречия и просто верить. Вера преодолевает все преграды, разрешает все сомнения, так что этот путь самый верный. Именно так считал Нонн из Хмимма, египетский литератор V века, написавший поэму о Христе, по сути – переложение Евангелия от Иоанна. Вот один из ее фрагментов, в котором Нонн раскрывает тему предательства Иуды в «гомеровском» духе древних сказаний:

... Пророческими устами

*Духа горних небес потрясенный вещей десницей
Взволновался Христос и в сердце, и в разуме бурно И
засвидетельствовал, исторгнувши пылкие речи:*

*«Смертный предаст Меня, один из преданных
другов,*

*Смерти предаст, изменник – Он с нами под кровлей
одною»...*

*... Изрек Христос: «Кому в винной Влаге хлеб омочив
подам, орошенный, во длани – Тот Меня и предаст».
И в кубке винном омочивши Хлеб остатный, подал его
нечестивцу Иуде,*

*Хлеб, возвещающий всем об убийстве
корыстолюбивом.*

*В хлеб освященный вмешав безмерную жажду,
Демон, спутник греха, завладел совершенно сим
смертным.*

Рек Христос, посылая ведущему согласие:

«Делай скорее, что делаешь!»...

Но что делать, если просто веры недостаточно, если вера не отменяет способности и желания думать, а значит сомневаться? Тогда возникает еще одна развилка: объяснить поступки Иуды можно, осуждая или оправдывая.

Попытки осуждения мыслью, а не верой предпринимались уже в самые первые столетия существования христианства. Так в сохранившемся до наших дней арабском «Евангелии детства» (глава XXXIV), говорится о первой встрече Иисуса и Иуды:

«В том же городе была другая женщина, у которой сын

был мучим сатаной.

Он назывался Иудой, и всякий раз, когда злой дух овладевал им, он старался укусить тех, кто был около него.

И если он был один, то кусал свои собственные руки и тело.

Мать этого несчастного, услышав о Марии и Сыне Ее Иисусе, встала и, держа сына на руках, принесла его Марии.

В это время Иаков и Иосиф вывели из дома Младенца Иисуса, чтобы Он играл с другими детьми, и они сидели вне дома и Иисус с ними.

Иуда приблизился и сел справа от Иисуса. И когда сатана начал его мучить, как обыкновенно, он старался укусить Иисуса.

И как не мог его достать, он стал наносить ему удары в правый бок, так что Иисус стал плакать.

И в это мгновенье сатана вышел из ребенка того в виде бешеной собаки.

И этот ребенок был Иуда Искарот, который предал Иисуса.

И бок, который он бил, был тот, который иудеи пронзили ударом копья».

Здесь мы встречаем идею изначальной предназначенности Иуды к предательству, в сочетании с христианской идеей мимесиса – подобию. Встреча Иуды и Иисуса в детстве предвосхищает то, чему предназначено случиться, и уподобляется будущему, как в дальнейшем христианском сознании все

свершающееся в настоящий момент уподоблялось прошедшему, свершенному и описанному в Библии.

Мысль о судьбе Иуды, как исполнении предначеченности к злу, в еще большей мере содержится в литературном произведении, широко известном на Руси как «Сказание об Иуде предателе». Оно ошибочно приписывалось св. Иерониму, настоящий же автор имени своего потомству не оставил. Католические сказания об Иуде, близкие к этой повести, восходят к агиографическому своду Якопо из Вранце «Золотая легенда» XIII века, а самые ранние русские переводы сохранились от века шестнадцатого.

В ней говорится, что Иуда родился в Иерусалиме, в семье «Рувима, также иначе именовавшегося Симон, от колена Данова, некоторые говорят, от колена Иссахарова». В ночь зачатия матери Иуды Сибории было явлено откровение, что она родит сына «злого очень». После рождения сына Сибория написала «на хартии» имя его, вложила вместе с ним в ковчежец и пустила по морю. Морские волны принесли его к острову, называемому Искарот, где Иуда был подобран и выращен женой царя острова, объявившей, что она родила наследника.

Здесь мы встречаем набор бродячих с глубокой древности сюжетов о тайном знамении перед рождением младенца и попыткой избавиться от него, но не убийством, а «отбрасыванием». На ум сразу же приходят Эдип, Ромул и Рем, Моисей.

Далее в сказании говорится, что когда у царицы родился настоящий сын, Иуда его много бил. Когда же открылось, что Иуда не царский сын, то настоящего он убил, после чего бежал в Иерусалим, где вошел в число слуг Пилата. И опять мы вспоминаем Моисея, воспитанного дочерью фараона и убившего египтянина.

Пилат послал Иуду сорвать яблоки из соседнего сада, принадлежавшего его отцу Рувиму. И когда тот рвал яблоки, Рувим увидел его, стал бранить, и в драке Иуда убил Рувима, а яблоки принес Пилату. После чего Пилат отдал имущество Рувима Иуде, а Сиборию выдал за него замуж. Этот поворот сюжета возвращает нас опять к Эдипу. Боле того, в современной научной литературе «Сказание об Иуде» трактуется именно как вариант «эдипова мифа».

Но на самом деле все сложнее. Мы можем вспомнить еще один античный миф: о Геракле и яблоках Гесперид. Выполняя последнее поручение царя Эврисфея, Геракл ищет сад титана Атланта. По дороге он убивает великана Атласа, заставлявшего всех путников с ним бороться, и египетского царя Бусириса, захватившего Геракла во сне и собиравшегося принести его в жертву своим богам, чтобы прекратился неурожай. В сопоставлении с этим мифом мы видим, что убийство отца в саду только отчасти эдипово. Оно нужно, прежде всего, для того, чтобы Иуда выполнил свое главное предназначение – приблизился к Иисусу и предал его. Так и в мифе о Геракле его поход за яблоками сам по себе ничего

не значил (Эврисфей оставил яблоки Гераклу, тот отдал их Афине, та вернула их Гесперидам), но был необходим герою для того, чтобы освободиться от службы.

Иуда после кражи яблок, тоже освобождается от службы Пилату. В горе Сибория признается Иуде о том, как она поступила с сыном, и Иуда узнает, кто он такой. По совету матери-жены он идет к Иисусу, получает от него прощение во всех грехах и принимает поручение носить ковчежец с милостыней. Завершается повесть моралью: «Хорошо, что сей в воздухе погиб, за то, что оскорбил ангела и человека, из пределов ангельских и человеческих изгнан был. Нигде, как только в воздухе с демонами надлежало ему водвориться и погибнуть». Если верно предположение, что происхождение повести очень древнее (может быть, второго века нашей эры), то ее широкое бытование свидетельствует о том, что известное нам сейчас как протестантское (и даже более узко – кальвинистское) представление о предназначенности каждого человека к спасению или гибели, на самом деле, всегда присутствовало в христианстве и концентрировалось в образе Иуды.

Но был и другой вариант объяснения-обвинения предательства. Первая попытка отойти от идеи предназначенности в трактовке образа Иуды была предпринята Папием Иерапольским, учеником Иоанна Богослова (правда, его мысли об Иуде известны нам только в более позднем изложении Иринея Лионского). Папий утверждал, что корень поступ-

ка Иуды зарыт неглубоко. Он в изначальном сомнении, в предпочтении разума вере. Иуда усомнился в словах Иисуса, приводимых Иоанном: «Придут дни, когда будут расти виноградные деревья, и на каждом будет по десяти тысяч лоз, на каждой лозе по десять тысяч веток, на каждой ветке по десять тысяч прутьев, на каждом пруте по десять тысяч кистей, и на каждой кисти по десять тысяч ягодинок и каждая выжатая ягодина даст по двадцать тысяч мер вина. И года кто-либо из святых возьмется за кисть, то другая возопит: «Я лучшая кисть, возьми меня; через меня благослови Господа». Самое замечательное в рассказе Иоанна, переданного Папием это ответ Иисуса на сомнение Иуды: «Это для верующих достойно веры. Когда же Иуда предатель не поверил сему и спросил, каким образом сотворятся Господом такое изобилие произрастаний, то Господь сказал: это увидят те, которые достигнут тех (времен)».

Итак, предательство объясняется не предназначенностью, а неизбранностью, несмотря на призвание, то есть в точном соответствии со словами Иисуса: «много званых, мало избранных».

В IV веке святой Ефрем Сирин предложил еще одно объяснение. Иуда в нем символизирует собой будущее – то самое, которого ждут все христиане: «И дабы милосердие не посрамилось в наказании его, не нашлось никого из сынов мира и истины, кто убил бы его, но сам повесил себя на веревке, чтобы показать, что в последний день злорадия челове-

ская таким же образом погубит и истребит сама себя». Тем самым идея мимесиса, торжествуя, соединяет начало и конец христианской эры. Судьба же Иуды предвещает человечеству кратковременное торжество и окончательное падение сил зла.

Иуда осужденный становится одним из мотивов иконописи. Так, в русской иконописи XV–XVI веков нередко можно встретить повторяющиеся сюжеты схождения Иисуса в ад после воскрешения и Страшного суда. Общей деталью обоих сюжетов становится изображение Сатаны в адском пламени с Иудой на коленях.

[слайд]

Показательно, что эти детали православной иконописи перекликаются со средневековыми католическими текстами. В «Житии св. Брендана», жившего в VI веке, есть описание его встречи с Иудой во время плавания по «морю-океану». Вот что рассказал тот: «Я есмь несчастнейший Иуда, наинегоднейший торгош. днем и ночью я пылаю среди горы, которую вы видели, словно кусок свинца, расплавленного в масле. Там находится Левиафан со своей свитой. Это губительная преисподняя, испускающая пламя. Так происходит каждый раз, когда она проглатывает нечестивые души».

Апофеозом Иуды виновного выглядит фреска «Поцелуй Иуды» в капелле дель Арена, написанная Джотто около 1305 г.

Одутловатое, чуть звероподобное лицо Иуды, обнимающего Иисуса, представлено как невероятно искаженное отражение правильных черт лица Христа. Снизу вверх смотрит Иуда в глаза своей жертве и одновременно судье. Поза его такова, что он как будто хочет пасть на колени и не смеет в оцепенении ужаса от содеянного. Подлость человеческая и самоосознание подлости – вот что, на наш взгляд, символизирует Иуда у Джотто.

[слайд]

Но, пожалуй, наиболее яркий сюжет религиозной живописи, из тех, что связаны с образом Иуды – это «Тайная вечеря». Самое известное воплощение этого сюжета принадлежит кисти Леонардо да Винчи, это фреска трапезной монастыря Санта-Мария делле Грацие в Милане.

[слайд]

Работая над фреской, Леонардо отошел от прежнего канона, в соответствии с которым Иисуса и апостолов следует изображать по одну сторону стола, а Иуду – по другую, подчеркивая несовместимость праведности и падения.

[слайд]

У Леонардо Иисус и двенадцать апостолов расположены по одну сторону стола. Иуда, сидящий вторым справа от Иисуса, обращен к зрителям даже не в профиль (как полагалась его изображать на иконах, поскольку он «написан не на небесах, а на земле, вместе с распинателями Господа» –

так писал Ефрем Сирин), а почти затылком к зрителям. Он отшатнулся от Спасителя, зажав в правой руке деньги, полученные за предательство.

[слайд]

Но нас сейчас должно интересовать не это, а то, что левой рукой Иуда тянется не к блюду (как у Матфея), а скорее к чаше, рядом с которой лежит правая рука Иисуса. Две руки, почти встречающиеся у чаши, образуют почти правильную параболу: от плеча правой руки Иисуса до плеча левой (естественно) руки Иуды. А что такое парабола? Греческое «parabole» переводится на русский как «сравнение». Возможно, нам предложено сравнить Иисуса и Иуду. По каким «параметрам»? Мы сейчас можем только догадываться. Но это не все. Еще одно значение слова парабола – «притча». То, что Иисус говорил притчами, известно любому, даже тем, кто не держал в руках книг Нового Завета. Намекает ли Леонардо на какую-то из притч Иисуса? И, если да, то на какую? Или «парабола рук» как-то связана с тем, что после Тайной вечери Иисус возгласил: «Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возведу вам об Отце» (Иоанн, 16. 25)?

И еще. В русской иконописи XV – начала XVI веков (то есть именно того времени, когда жил и работал Леонардо), в изображении Тайной вечери Иуда, что в московской,

[слайд]

что в новгородской школе,

[слайд]

изображен тянущимся через весь стол к чаше, стоящей в центре, причем Иисус свою руку к чаше не подносит. Мотив чаши, столь важный, как для Тайной вечери (причастия), так и для последней молитвы в Гефсиманском саду («моление о чаше»), в русской иконописи стал одним из центральных со времени написания Троицы Андреем Рублевым.

[слайд]

Не хотелось бы проводить необдуманные параллели, но чаша в этой иконе – композиционный центр, первый из нескольких кругов, вставленных друг в друга. Почему на русских иконах Иуда с такой жадностью тянется к чаше, содержание которой Иисус через мгновение объявит кровью Нового завета «за многих изливаемой во оставление грехов», тоже загадка, пока неразрешенная.

И уж если пошла речь о загаданном, но не имеющем отгадки, то дождитесь лекции о роли колокола в христианском сознании, и мы вновь поговорим об Иуде повешенном.

Но есть, как я уже говорил, и другой подход к разрешению, если не всех, то части загадок: оправдание Иуды.

В первой половине III века Ориген Александрийский, преподаватель риторики и грамматики, пресвитер (правда, недолго, вскоре сана был лишен и более того, посмертно

осужден на Вселенском соборе 553 года), учитель Григория Назианзина и Григория Нисского, написал трактат «Против Цельса». В нем он подробно и тщательно опровергал положения самого едкого и злого памфлета против христианства и самой личности Иисуса, известного по имени автора – Цельса.

В третьей книге своего трактата, в девятой главе, Ориген утверждал, что «в душе Иуды, очевидно, боролись противоположные чувства: он не был всей душой настроен против Иисуса, но не сохранял по отношению к Нему всей душой и того чувства уважения, каким проникается ученик к учителю... И этим поступком [самоубийством] он сам над собой произнес приговор и в то же время показал, какую силу имело учение Иисуса над Иудой – этим грешником, вором и предателем, который все же не мог совершенно исторгнуть из своего сердца учения Иисуса, преподанное ему». Так Ориген, в рамках христианской традиции, сформулировал постулат о двойственности натуры Иуды, борьбы в нем сил добра и зла. Самоубийство, в таком случае, необходимо трактовать как победу сил добра в душе Иуды.

Через тысячу двести лет после Оригена, этот же постулат воспроизвел не кто-нибудь, а друг и капеллан Авиньонского папы Бенедикта XIII. Он прочел проповедь об Иуде, в которой тот представлен человеком грешным, но раскаявшимся. Не вынеся тяжести своей вины, Иуда бросился к Казнимому, чтобы слезами вымолить прощение, но не смог пробиться на

Голгофу через толпу. Тогда он повесился. Освобожденная от груза тела душа его взлетела на Голгофу. Иуда получил прощение, душа его очистилась и заняла свое место подле Христа рядом с другими его учениками.

Возмущению присутствующих на проповеди не было предела, и папе пришлось скрывать своего любимца от тех, кто грозил с ним расправиться. А мы отметим, что странная проповедь была прочитана в начале XV века, тогда же, когда на Руси появляется много икон с Иудой и чашей.

Теперь вернемся назад, к V веку нашей эры. В то время в Палестине, в иудейской богословской среде, был написан трактат «Тольдот Иешу» («Родословие Иисуса») – памфлет на христиан. Автор трактата опирался на Талмуд и Евангельские тексты, в том числе апокрифические. Так вот, Иисус по «Тольдоту» мог творить чудеса потому, что овладел тайной тетраграммона – произношения четырех еврейских букв, означающих тайное личное имя Бога. Написание этих четырех букв известно всем. В русской транскрипции они (по отдельности) звучат, как «йот», «хе», «вау», «хе». А вместе составляют слово «Яхве». Но Яхве не является истинным именем Бога, а как бы его псевдонимом, разрешенным для произношения. Подлинная же транскрипция имени Бога – «непроизносимое имя» – хранилась в храме Соломона и составляла великую тайну еврейского народа.

Тот, кто смог бы произнести «непроизносимое имя» по-

лучал доступ ко всем тайнам бытия и власть над вещами, людьми и природными явлениями. Многие пытались это сделать, пробираясь в святая святых храма Соломона, но забывали слово, как только выходили наружу. Лишь Иешу догадался написать слово на кусочке пергамента и вложить его в рану на бедре. Забыв транскрипцию при выходе из храма, Иешу почувствовал боль в бедре и обнаружил в ране записанное им тайное имя Бога, что дало ему силу творить чудеса. Но Иуде Искарриоту удалось сделать тоже самое – и он мог повторить все те чудеса, что творил Иешу.

В так называемой «Страсбургской рукописи» трактата написано: «Как только Иешу со своими приближенными прибыл к царице [Елене – правительнице Иудеи], она послала за мудрецами. Тут Иешу встал и сказал ей: обо мне пророчество: «Псы окружили меня», но мне сказано: «Не бойся их, ибо Я с тобою». Как только мудрецы вошли и Иуда Искарриот с ними, он (Иешу) снова поднялся, и, обращаясь к царице, сказал: на мне сбылись слова «взойду на небо», и еще «но Бог избавит душу мою...». С этими словами он поднял руки, как орел крылья, и взлетел, и народ удивленно воскликнул: как он может взлетать между небом и землей!?

Мудрецы Изралевы сказали об Иуде Искарриоте: также и этот овладел буквами и взлетит! Тотчас тот, таким образом, взлетел в воздух, и люди пришли в изумление: он летает подобно орлу! Но вся сила Искарриота, чтобы летать в воздухе, чего никто не мог сделать, заключалась в непроизноси-

мом Имени, которое держало на весу и не давало упасть. Как только Иуда увидел, что он оказался над Иешу, он помочился на него, отчего тот был осквернен и упал на землю, а за ним и Иуда».

В другом варианте «Тольдота» – «Венской рукописи» мы находим несколько иные подробности этой истории: «Тогда мудрецы сказали Иуде Искарриоту: да поддержит тебя Господь, повергни его, взлети и оскверни его своим семенем, чтоб иссякла вся сила его. Повинуясь их приказу, Иуда тотчас же запачкал и забрызгал злодея своим семяизвержением, отчего тот осквернился и упал на землю. Но вместе с этим он сделал и другое дело: ибо забрызганный семенем злодей забыл тайное Имя. И когда он осквернил Иешу, то осквернился семенем и сам и следом за ним рухнул на землю. Но народные мудрецы, знавшие тайну, никак не выдали себя, но поносили и ругали Иуду Искарриота, и когда вскипели распря и ссора, то говорили другим, что Иуда дурно поступил с Иешу».

Таким образом, выходит, что Иуда был кем-то вроде тайного агента «иудейских мудрецов», разоблачившим происки колдуна Иешу, но «засветившегося» перед властью и народом. В лучших традициях спецслужб, много раз описанных писателями детективного жанра (рекомендую Ле Карре), руководство отреклось от своего агента, списав на него все огрехи тайной операции.

Существовало и еще одно не вполне чуждое христианству

объяснение-оправдание Иуды. Мы не знаем, когда оно появилось, но вот что пишет о некоей секте «каинитов» в своей первой книге «Против Ересей» св. Иринея Лионский: «Другие опять говорят, что Каин происходит от высшей силы, и Исава, Корея, содомлян и всех таковых же признают своими родственниками, и поэтому они были гонимы Творцом, но ни один из них не потерпел вреда, ибо Премудрость взяла от них назад к себе самой свою собственность.

И это, учат они, хорошо знал предатель Иуда, и так как он только знал истину, то и совершил тайну предания, и через него, говорят они, разрешено все земное и небесное. Они также выдают вымышленную историю такого рода, называя его Евангелием Иуды».

Логика каинитов в передаче Иринея проста и непошибаема: не будь предательства Иуды, не было бы искупительной жертвы Христа (не мог же он сам на себя донести, это бы уж слишком напоминало игру в поддавки). Иисусу нужен был помощник. А может быть, это Иуде нужен был исполнитель высшего предназначения, и он нашел такового в Иисусе. В любом случае Иуда становится соисполнителем божественной воли, взявшем на себя не меньшую, а может быть, и большую часть страданий. Ведь Иисус страдал недолго и позже был возвеличен, а проклятия Иуде звучат и по сей день.

О тайном знании Иуды писал в 1913 году Ю. Николаев в книге «В поисках божества». Он приводит две версии объяснения-оправдания Иуды: «... каиниты пытались и в еван-

гельском повествовании найти оправдание для Иуды, которого они выставляли также носителем Откровения. Они полагали, что Иуда был единственным апостолом, посвященным во все тайны мирового искупления: он знал о необходимости пролития крови Иисуса Христа и потому предал Его на смерть и тем разрешил загадку великой победы над низшими силами... Существовало и другое толкование роли Иуды: по этой версии, Иисус Христос слишком ясно раскрывал перед непосвященными тайны глубочайшего познания, доступного лишь немногим избранным. И за раскрытие этих тайн Он бы предан на смерть Иудой – представителем высшего посвящения. Мы не знаем, какое из этих двух объяснений предательства Иуды содержалось в «Евангелии Иуды», бывшем в большом почете у каинитов».

Показательно, что во второй половине XIX века и в начале века XX об Иуде писали много и охотно, возрождая при этом традицию каинитов. Приведем лишь два примера. В 1857 году Де Куинси опубликовал книгу, в которой заявил: «Не одно из дел, но все дела, приписываемые традицией Иуде Искаротскому, – это ложь». И далее утверждал, что Иуда предал Христа, чтобы вынудить его объявить о своей божественности и разжечь народное восстание. Через полвека, в 1904, году Нильс Рунеберг для своей книги «Христос и Иуда» взял эпиграфом слова Куинси. По его мнению, Иуда был единственным из апостолов, кто угадал тайную божественность и

ужасную цель Иисуса. (Собственно говоря, именно эту точку зрения воспроизводит Сармаго, о котором я говорил в начале лекции).

Чуть ранее, в 1880 году, французский богослов и миссионер Анри Дидон, в книге «Иисус Христос» объяснил поступок Иуды закономерным проявлением свободы воли, присущей человеку от Адама: «Воля человека свободна; она может располагать собой как ей угодно: она может поддаться соблазну или противостоять ему, поработить себя греху или освободиться от него. Человек, долго противящийся велениям Божиим, мало-помалу ожесточается и черствеет. Божественные внушения не трогают его сердца, не увлекают его; он становится доступным и покорным воле злого духа. Зло воплощается в нем, овладевает им всецело, доводит до рабского подчинения пороку, и под гнетом этого господства бесовской власти нет такого преступления, которое не могло бы созреть в душе погибшего человека, нет противодействия его страшной преступной силе. Он ненавидит все доброе; он ненавидит Самого Бога. Этим психологическим законом объясняется тайна возникновения преступного замысла в душе Иуды Искарюта.

(Кстати, если кто-то из вас понял, в чем заключается здесь психологический закон свободы воли, пусть мне это после лекции объяснит. Если удастся, обещаю зачет по итогам семестра.)

В 1907 году появляется рассказ Леонида Андреева, с ко-

торого я эту лекцию начинал. На него отозвался своей рецензией-эссе Максимилиан Волошин. В ней Иуда предстает образом «человека достигшего высшей чистоты и святости, который добровольно принимает на свою душу постыдное преступление как подвиг высшего смирения», утверждая, что этот образ «возник еще в Индии». Волошин имеет в виду Арджуну, ученика Кришны, хотя на наш взгляд, это сопоставление никуда не годиться.

Столь пристальное внимание к личности Иуды не могло не вызывать к жизни точку зрения, отрицавшую возможность самого его существования (и здесь мы возвращаемся к роману Булгакова: если не было Христа, то тем более не было и Иуды). И вот в 1923 году в Берлине вышла книга Р. М. Бланка «Иуда Искарот в свете истории». В ней мы читаем: «Иуда не предавал Иисуса иудейским первосвященникам: нечего было предавать им, Иисус не совершил никакого проступка против еврейских законов, он ничего не сделал и ничего не сказал против еврейской религии. Иудейские первосвященники не судили Иисуса и не приговаривали его к смертной казни: не имели они для этого ни формального права, ни материального повода. Да и не было, по всей вероятности, никакого Иуды Искариота. Но кто же судил Иисуса? За что он был распят? Вина Иисуса была начертана на распятии, как всегда у римлян. «Царь иудейский». Вполне определенное обвинение».

Не правда ли, как явно перекликается эта точка зрения с

той, что высказал в романе Булгакова Берлиоз: о выдуманном Иисусе, «которого на самом деле никогда не было в живых».

Итак, мы видим, что образ Иуды, оставаясь плоским, одномерным в народном сознании, в элитарной культуре приобретает объем и значение одного из универсальных культурных символов христианского мира, способных выразить самые разнообразные интенции, причем такого спектра, который не доступен положительным образам христианства (Иисусу, Богородице, апостолам) и которым не вполне соответствуют образы Ада.

Причем образ Иуды как бы «пульсирует». Он то уходит совсем в тень, то вдруг начинает сверкать все новыми и новыми гранями (особенно ярко в XV и XX веках).

Конечно, по степени влияния на культуру человечества, этот образ не может быть сравним с персонажами высшего уровня в условной классификации религиозных символов. Ему далеко до Иисуса, Мухаммеда, Конфуция и Будды. Но, спустившись всего на одну ступеньку пирамиды великих религиозных образов, мы мало кого сможем увидеть рядом с Иудой. Пожалуй, только одно божество более древней (но дожившей до времен христианства) мифологии, эволюционировало в том же направлении и стало столь же мощным культурным символом своей эпохи, каким Иуда может стать для века XXI. Я говорю об образе бога Гермеса – шалопая и мальчика на побегушках ранней античности и великого Гер-

меса Трисмегиста времен Эллинизма и всего Средневековья. Только две эти личности в культуре западного мира столь полны тайн и загадок, только они балансируют между светом и тьмой, между верой и знанием, только они обладают двойной притягательностью добра и зла одновременно.

Лекция окончена. Спасибо.

Аплодисменты. Два обычая нынче пришли к нам из Свободного Мира: свободно закусывать на лекции, попивая колу и кофе; и, побросав стаканчики под ноги, аплодировать в конце лекции, половину при этом, не услышав, а вторую не поняв.

Пока я собирал свои разрозненные бумажки, заменяющие мне конспект лекции, подошел студент третьего курса, Андрей. Фамилию я его тогда не вспомнил, а сейчас она и не нужна уже. Но самого его я помнил очень хорошо. Симпатичный, сразу видно – из потомственных интеллигентов, с чистым от прыщей лицом и умными глазами. Парень он старательный и на первом курсе выполнил мой норматив зачета-автомата месяца за два до сессии. Но при этом у меня чуть ли не с первого занятия сложилось впечатление, что предмет мой ему по японскому барабану, тому, который полтора метра в диаметре.

Я вообще-то в первый раз такое видел. На первом семинаре он сидел за одной партой с самой красивой девушкой в группе. Я еще тогда подумал, какая хорошая пара склады-

вается. Но на каждом последующем моем семинаре (а они шли раз в неделю) он садился рядом с другой своей однокурсницей. Так получилось, что за семестр он сумел исчерпать весь девичий потенциал группы. Во втором семестре я ушел в институт повышения квалификации, то есть сел какую-то книжку писать, то есть, если совсем точно, пьянствовать с Полом чуть ли не каждый день, и как он вышел из столь затруднительного положения, не знаю.

Теперь он записался на мой спецкурс. И мало того, как выяснилось, подошел пригласить меня поехать с компанией студентов, его однокурсников, в воскресенье на шашлыки. В нормальном состоянии я бы отшутился и отказал. А тут эта девушка утром, да какое-то состояние похмелья без повода. В общем, взял и согласился. И тут же пожалел, как когда-то жена моя Алена, солнце мое зимнее, сделает что-то и сразу жалеет. (Мне кажется, что и замуж она вышла за меня, сразу об этом пожалев, и детей мы не заводили, чтобы потом не жалко было.) И подумал, ну не приду к электричке на Белорусский вокзал к девяти, как договорились, ну что они, без меня не уедут? Успокоился и забыл.

А вскоре и не до того стало.

После лекции я заглянул на кафедру, подсел к компьютеру, зашел на сайт Национальной российской библиотеки в Петербурге, выбрал в каталоге слово «Черты». Третья карточка из 68 была та, что мне нужна. В левой ее части два ря-

да цифр. Вверху 18.126.3.214. Внизу 423–583. Справа надпись: «Черты ветхого и нового человека. Молитвенное размышление. (Стихотворение). М., в Университетской типографии, 1818. 12 с.». Значит, поэма мне привидилась. Значит, она есть в библиотеках. Срочных дел у меня на вторник не было, и я решил посмотреть поэму и попробовать понять, чем она так привлекла Кербера. Так что я проехал свою Фрунзенскую и вышел на третьей, после нее, платформе. Но в каталоге «Безымянной» библиотеки никакого «Молитвенного размышления» не значилось. Первая книга после разделительной таблички «Черты» была «Черты деятельного благоучастия по учению святых отцов православной церкви». Ниже: Варфоломей (Левицкий) И штамп: «Ввиду наличия в библиотеке нескольких изданий этого сочинения добавочные описания на каждое издание не делаются. Шифр см. на основной карточке».

Я даже обрадовался этому. Останься я в этой библиотеке ожидать заказ, пришлось бы идти обедать вниз, в местную столовую, последний оплот советского общепита. Както давно, в присутствии Пола, который сам неплохо готовит (когда ему не лень, а я способен ждать), я недоумевал, как можно до такой степени испортить обычный кусок говядины (антрекот) и картошку (пюре). Пол мне все быстро объяснил: мясо надо жарить на маргарине, чей срок годности истек в позапрошлом году, а пюре замешать без соли на водопроводной воде.

С легким сердцем (как писали в моем любимом XIX веке) направился я сквозь штриховку дождя в Историческую библиотеку, по дороге рассуждая, чем пообедать: печеной картошкой с начинкой или блинами (итог рассуждений – картошку сейчас, блины с собой на ужин). Но обед обедом, а в каталоге Исторички поэмы тоже не было. Я, было, решил прогуляться до книжного на Тверской, зайти в антикварный отдел, но тут опять пошел дождь, ветер подул совсем не летний, так что я махнул рукой на все эти черты ветхого и какого-там-еще человека и поехал, наконец, домой, к своим колокольчикам.

Ну почему, интересно, у меня никогда не бывает плохих предчувствий! Я поднялся на свой второй этаж в отличном настроении и увидел открытую дверь и искореженный замок. Только я вошел в квартиру, как в дальнем конце коридора, у поворота к кухне, обозначилась фигура внушительных размеров.

Не знаю, чтобы я сделал в следующий миг, бросился бы на незнакомца или (что скорее) от него, вызванивать милицию по мобильнику, но он, сделав лишь один шаг вперед и согнув руки в локтях ладонями ко мне, заговорил по-испански.

– *Le pido perdyn por mi entrada inoportuna. Ahora trato de explicar todo. Me llamo Pablo Cuard. Hoy por la macana he llegado de Barselona a Moscé¹.*

¹ Я прошу меня простить за столь неуместное вторжение. Постараюсь сейчас

Он протянул мне свою визитную карточку. На ней значилось: Cuard Pablo. El edittor. Ниже название издательства: "La Palabra viva"². И адрес: Barselona, Avinguida de Roma, 38. И номер мобильного телефона.

Я пригласил его в комнату, но тут же увидел какой в ней разгром и запнулся на пороге.

– Пойдемте на кухню, – предложил мой незваный гость, – там почти ничего не тронуту. Я постараюсь Вас долго не занимать.

Мы пошли на кухню, где мне, наконец, удалось его рассмотреть. На редактора он похож, как штык на нож для рыбы. Выглядел скорее как полковник в отставке, руководящий службой охраны какой-нибудь фирмы или небольшим детективным бюро. Высокий, примерно как Пол, но при этом худощавый, без каких-либо следов брюшка, он производил впечатление моего ровесника, может на два-три года постарше. Только в темных и жестких волосах было многовато седины. Одет он был во все черное и дорогое (костюм-двойка, шелковая рубашка, галстук; запонки и булавка для галстука, видимо, серебряные). Туфли (черные и чуть ли не ручной работы) он не снял, мне пришлось сделать вид, что так и надо.

Очень спокойно, тихим голосом, он рассказал мне, что

все объяснить. Меня зовут Пабло Куард, я сегодня утром прилетел из Барселоны в Москву. – *Исп.*

² Куард Пабло. «Живое слово». – *Исп.*

приехал в Москву на книжную ярмарку, которая открывается завтра, что у него ко мне дело, связанное с моей работой. У моих родственников в Испании он получил адрес и номер домашнего телефона, но дозвониться ко мне домой у него ни вчера, ни сегодня не получилось. Он на свой страх и риск приехал на Третью Фрунзенскую в надежде застать меня дома. Дверь в квартиру была открыта, в квартире все перевернуто. Вот он и остался, чтобы не получилось большего ущерба. Закрыл на кухне дверцы холодильника и полку, но в комнатах ничего не трогал.

Мы договорились с ним встретиться на ВВЦ в четверг, когда выставку откроют для посетителей, обменялись номерами мобильных телефонов, и он ушел, извинившись за доставленные мне неудобства, и отмахнувшись от моих невнятных речей, смеси благодарности, нетерпения и извинений.

Закрыв дверь на внутреннюю щеколду, я пошел в комнату с колокольчиками, убедился, что вся моя коллекция на месте. Нет, не вся, колокольчик, оставленный Кербером, пропал. Да книги все валялись на полу так, как будто их брали со стеллажей по одной, а потом бросали в кучу.

А вот в другой комнате, видимо, взялись за дело по настоящему, не ленились. Ящики письменного стола были все вытащены, а их содержимое вывалено на пол. Вся одежда тоже валялась на полу, вперемежку с постельным бельем и полотенцами. Полки шкафа и тумбы были пусты. В двух ме-

стах, где обои отходили от стены, под окном и у двери, они были надорваны. Со стен аккуратно были сняты старинные гравюры (ничего не порвали), а потом брошены поверх белья. Нетронутыми оказались только компакт-диски, ну и сам проигрыватель.

Понятно, что так не воруют, попытался я рассуждать, собирая полотенца и заталкивая их на полку. Понятно, что они что-то искали, и, в свете вчерашнего посещения Кербера, скорей всего поэму. Может, сам Кербер и искал. Да нет, ему за семьдесят, да и не произвел он впечатления столь решительного человека. Но, может, нанял кого. А колокольчик взяли, чтобы меня на счетчик поставить? Но что такого в той поэме, чтобы трудиться дверь взламывать и мое белье изучать? Ну, двести она будет долларов стоить, ну пятьсот, ну евро. Но надо быть свихнувшимся психом, демонстративным сумасшедшим, чтобы вот так за ней охотиться.

А может, это испанец? Все тут перерыл, а уйти не успел. Вот и прикинулся гостем. И буду я его в Останкине послезавтра искать. Долго.

Телефон. Снова академик.

– Привет, ученик!

– Здравствуйте, сенсей.

– Чем занят?

– Да вот... порядок навожу.

– Молодец. «Там где живет благородный муж, нет места неустроенности».

– Учитель сказал: «Если человек негуманен, что толку в порядке? Если человек негуманен, что толку в церемониях? Если...»

– Стоп, и так хорошо. Так вот, без церемоний, я что звоню. Тут у меня блокнот на тумбочке, раскрытый лежит. В нем написано: «Позвонить Василию». Это тебе что ли?

– Вы мне вчера звонили, Глеб Борисович.

– Ты запомни, ученик: не каждый академик маразматик. Я помню, что звонил. Договорились мы с тобой?

– Да, Глеб Борисович, завтра ближе к вечеру я у Вас буду.

– Ну, так бы и сказал. И не надо было сегодня звонить.

Он, как обычно, не прощаясь, повесил трубку.

Третья сила. Эта могла быть третья сила. Ляпнул тот торговец Степан Иванович еще кому-нибудь, тот и залез в квартиру. **НО ЗАЧЕМ?** За двенадцатью страницами всеми забытого текста? Бред.

Не буду ничего больше убирать. Спать пойду.

Среда. Утро

Cerrajero. Serrurier. Schlosser. Вот. Мне нежен слесарь. За-мочный Смит. Два часа на телефоне в попытке дозвониться до домоуправления, две минуты разговора с кем-то из тех толстых женщин, которые там зачем-то сидят, и день мож-но вычеркивать толстым черным фломастером. Хорошо, что я догадался позвонить тому умельцу, который обустроивал мою комнату с колокольчиками. Через час он был у меня с двумя замками.

В ожидании мастера я начал разбирать содержимое пись-менного стола, точнее, то, что было им до налета. Сначала я решил разложить все по ящикам, так, как раньше лежало. Потом подумал: зачем мне эти ручки чернильные, калькуля-торы без батареек, записные книжки и календарики, пода-ренные коллегами на последние десять дней рожденья? За-чем мне паспорт на миксер, купленный в 1987 году и сломав-шийся в 1988-м? Взял черный пакет для мусора и побросал туда все, что валялось на полу. Оставил только материалы к лекциям, разложив их в три ящика: история России, история мировой культуры, спецкурс. Принес портфель из коридора, вытащил записки по Иуде, бросил в ящик со спецкурсом. В портфеле осталась одна сиротливая бумажонка – распечатка карточки из питерской библиотеки. Я собрался и ее бросить в мешок.

И тут до меня дошло: если книга издана в университетской типографии, хоть и в затертом 1818 году, то на 99 процентов она храниться в библиотеке альмаматери. Я взял мешок с мусором и высыпал все обратно на пол. Один раз копнуть и вот он – старый, аспирантских времен читательский билет в библиотеку альмаматери. С фотографии на меня смотрел некто с дурацким выражением лица. Бог мой, он там даже улыбался! Консультации с зеркалом обнадежили: если не всматриваться (а кто будет?), то меня нынешнего легко можно спутать с этим радостным недоумком. Еще одно движение ногой – и из той же кучи выпал набор со штампами.

За те минут сорок, что потребовалось мастеру для установки новых замков, мне удалось молотком расколотить четыре ручки, наскрести сухих чернил, развести их одеколоном. Потренировавшись на взятом из той же кучи листке бумаги, я оттиснул на внутренней стороне обложки читательского билета штамп «ПЕРЕРЕГИСТРИРОВАНО 2001–2006», зачеркнул в графе должность «аспирант» и сверху написал круглыми буквами: доцент. Потом бросил в портфель зонтик и портативный сканер-ручку, расплатился с мастером и поехал в библиотеку альмаметери.

– Вам надо поменять билет, – сказала самая милая из библиотекарей Москвы, выдавая мне поэму. – Скажите в вашем зале, пусть не экономят на бланках.

Тоненькая книжка, которую я положил перед собой на стол, была бы близнецом той, что была куплена в Измайлове, если бы не бумажная обложка, коленкоровая полоска, приклеенная на форзац и от руки тушью написанный шифр 2 Ес/23. На первой странице заголовок: «ЧЕРТЫ ВЕТХАГО И НОВАГО ЧЕЛОВЕКА». Подзаголовок: «Молитвенное размышление». Ниже, под виньеткой, выходные данные: «Москва. В университетской типографии». На оборотной стороне эпитафия: «Отвращу Тебе лице, возьматся (вся): отъимеши дух и исчезнут и в перст свою возвратятся: послещи Духа Твоего, и сожидутся, и обновиши лице земли. Псал. СШ. ст. 29, 30». Внизу страницы: «Печатать позволяется, с представлением 5 экземпляров в Цензурный комитет для казенных мест. Москва, декабря 16-го дня 1818 года. Экстраординарный Профессор, Надворный Советник и Доктор Медицины Николай Щеголев». Между эпитафией и дозволением цензора – вензель Московского университета. Рядом оттиснут овальный штамп, с надписью внутри: «Императорского московского университета». Чуть ниже – написанные карандашом шифры: П Ред/4379 и 248513.

Поэма начиналась строфой:

*Блажен, в ком Божий Дух рождает
Ум новый, верой просвещен,
И сердце чисто созидает;
Кто им помазан, освящен.
Он правдой, мудростью обилен,*

*Против страстей, пороков силен.
Не быв их узников оков,
Всегда возносится свободно
Как чадо духа благородно,
К тебе, отец благих духов!*

Как показалось, МОЯ поэма начиналась как-то не так. Но сейчас мне было не до того. Я начал водить сканером по строчкам, время, от времени поглядывая на дисплей и проверяя, как он берет текст. Все было хорошо, букву «ять» сканер считывал как твердый знак, «і» вообще воспринимал как родную, только «фита» выглядела чудовищной закорючкой, но это как раз не страшно.

Беда, как всегда, пришла, откуда не ждали. В узеньком зале-вагончике я сел в самом конце, спиной к болгарским журналам и лицом к входу. Почувствовав содрогание пола под чьими-то каблуками, поднял голову: на меня, как танк на кустарник, надвигалась ученая дама. И пока она шла, каблуки отстукали мне всю ее жизнь: два неудачных брака, две диссертации; скоротечные романы с коллегами, аспирантами и студентами; бестолочь призывного возраста, без дела болтающаяся по дому; смешки второкурсниц по поводу ее косметики и золотых бирюлек, навешанных на разные части тела.

Подойдя ко мне, этот призрак высшего образования одной рукой (золото и красные когти) вцепился в поэму, а другой стал хватать сканер. Губы, такие красные, как будто с них содрали кожу, раздвинулись. Клыки, нет резцы, нет, не пом-

ню, но что-то страшное там мелькнуло, и я зажмурил глаза, крепко зажав сканер в руках.

– Я доктор наук и не позволю, – заверещала дама, – это хамство, я заказывала неделю назад, у меня работа, вы вернете немедленно...

И чего-то там еще. Я не вслушивался, сосредоточившись на сканере. После короткой игры в «а ну-ка отними» мне удалось убрать его в карман. Книгу я и не пытался отставить. Дама-доктор продолжала верещать, обращаясь одновременно ко мне и подбежавшей испуганной библиотекарше. Что-то там про лишение билета, работы, чего там еще? Чести? Жизни? Де... денег, кажется.

В итоге бедная библиотекарша долго извинялась за то, что выдала книгу с номера этой бронеженщины, а я – перед библиотекаршей, что черт меня дернул родиться в России, нет, не то, заказать поэму именно сегодня. Последняя строфа в сканер попала не полностью, но я был рад и тому, что ушел из сего святилища научной мысли целым.

Я собирался пообедать по дороге к академику, но дурацкая сцена в библиотеке отбила аппетит. К тому же я, похоже, опаздывал, так что отправился сразу на Киевский вокзал, на электричку.

Академик живет на два дома. Зимой в большом университетском доме на Ломоносовском проспекте. Летом на даче, в поселке, который он в последние лет пятнадцать пред-

почитает называть Перестройкиным.

(Биографию Глеба Борисовича Охотникова можно прочитать во многих справочных изданиях, например, здесь: «Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории» М., 2000. Он родился и вырос в Кургане. По комсомольской путевке отправился учиться в педагогический институт в Москве, поступил на исторический факультет и окончил его с очень красным дипломом в 1957 году. А кафедру истории СССР в том институте возглавляла живая легенда советской исторической науки Фелица Ивановна Тучкина, в те времена член-корреспондент Академии наук СССР, а потом и полный академик, и не только у нас, но и в Болгарии, Польше, ГДР и Монголии, почетный доктор Лондонского политехнического колледжа и Марсельского университета, руководитель сектора истории XIX века в академическом институте истории, директор исторической редакции издательства «Познание», лауреат Сталинской премии, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного знамени и прочая и прочая и прочая... Под ее научным руководством Глеб Борисович защитил диплом, а потом и кандидатскую диссертацию по теме «Декабристы и Маркс».

Восходящую звезду советской науки принял в свои объятия исторический факультет альмаматери, где Фелица Ивановна, разумеется, преподавала на полставки. Женитьба по любви на единственной дочери помощника секретаря ЦК по международным вопросам решила многие бытовые пробле-

мы. А открытая полемика с научным руководителем на тему: считать ли события 1861–1863 годов первой революционной ситуацией (как утверждала Фелица) или только предреволюционным кризисом (как упорно доказывал непокорный ученик) принесла ему славу независимого и свободомыслящего ученого.

Защита докторской диссертации на тему «Ленинская концепция разночинского этапа в освободительном движении России XIX века» прошла на ура. С тех давних пор книга «Декабристы и Маркс» выдержала пять изданий и сейчас готовится шестое, дополненное и исправленное (у меня, кстати, три издания: 1984, 1990 и 1999 годов, все с дарственной надписью). Нет кандидата наук, который бы не штудировал его монографии «Разночинцы и Ленин», «Герцен и предреволюционный кризис 1860-х гг.», а вольнодумствующая интеллигенция времен застоя зачитывалась его блестящей по форме и сомнительной, с точки зрения ортодоксального марксизма, брошюрой «Чаадаев, Белинский и Гоголь – отражения в зеркале власти». И это при том, что регалий у него сейчас поболее, чем у незабвенной Фелицы, и ходят слухи о представлении к ордену «За заслуги перед Отечеством», чуть ли не второй степени.)

Опять дождь. Лавируя между лужами, по дороге от станции к даче академика я вдруг вспомнил игру, в которую очень часто играл в детском саду. Мы называли ее «хваталки». Пару лет назад мне попала в руки методичка для дет-

ских садов и младших классов школы. В ней я обнаружил описание этой игры, с другим, правда, названием – «Калейдоскоп». Написано было примерно следующее: «В этой игре возможно любое число участников, больше трех. Рекомендуется играть всей группой или целым классом в помещении или на свежем воздухе. В начале игры дети берутся за руки, но становятся не в круг и не в ряд а хаотично, располагаясь друг к другу лицом, боком, спиной. По счету воспитателя или вожатой они разжимают руки, делают оборот на 180 градусов (для групп физподготовки – в прыжке) и сжимают руки в новой конфигурации. Тот, кто не сумел взяться за руки соседей, а так же те, кто, в результате очередного перехвата рук, оказались сцепленными парой, из игры выбывают и переходят в разряд болельщиков. В конце остается пара победителей. Игра проходит весело, живо, со смехом и длится, в зависимости от числа участников, от пяти до пятнадцати минут».

Веселье весельем, но в частых играх в эти самые «хваталки» вырабатывалась стратегия продвижения к центру (где больше возможностей уцелеть), выталкивания конкурентов на край, сговора с другими игроками, образования коалиций и противоборствующих групп. Постепенно мы стали воспринимать «хваталки» не как игру, а как войну. Тактика выживания в хаотичной борьбе всех против всех, сменилась тактикой противоборства четырех команд. Эта борьба, выйдя за пределы игры, переместилась в спальню, столовую и дво-

рик для прогулок. Стратегия следующей игры обсуждалась часами, разрабатывались планы «отжима» возможных лидеров команды противника, введения в бой резерва и продвижения группами от края к центру. Индивидуальные игроки, не вошедшие в ни в одну из команд, были съедены очень быстро, затем выпала из игры самая слабая команда девочек, так и не сумевшая сплотиться вокруг одного лидера. В конце концов, самая организованная и отчаянная команда, с жесткой дисциплиной и строгой иерархией, стала приносить постоянные победы двум мальчикам, что и сделало продолжение игры бессмысленным.

Дача у академика большая, но старая. В соседстве с трехэтажными замками соседей она казалась школьной учительницей, попавшей на презентацию нового банка. Глядя на ее побуревшую крышу, я подумал, что в игре под названием «жизнь» много от «хваталок». Я-то игрок индивидуальный, мое место всегда на краю. А вот как далеко от центра нынче академик? За чьи руки он сейчас держится? И когда ему нужно сделать прыжок с переворотом на 180 градусов?

Варвара, домработница (это когда-то, а сейчас скорее надсмотрщица) Глеба Борисовича, проводила меня от калитки к двери и далее – в библиотеку. Следуя примеру Фелицы, Глеб Борисович покупал все книги в двух экземплярах: один для городской квартиры, а другой для дачи. Его же собственный вклад в оформление библиотеки – шкафчик красного дерева, в котором он держит французский коньяк шести разных

марок.

Сам академик, могучего телосложения старик, с огромными бровями и сказочно толстым носом, встретил меня, сидя в глубоком кожаном кресле и, не здороваясь, перебросил на ближний ко мне край журнального столика экземпляр диссертации.

– Что там в истории России происходило, еще не забыл, про пирамиды толкуя?

На расстоянии до шести метров любые его слова воспринимались, как удар молнии в соседний фонарный столб. Ну, еще бы! Пятьдесят лет читать лекции и держать любую аудиторию на коротком поводке может только человек, управляющийся с голосовыми связками как машинист с паровозным гудком.

Я привычно вытянул ноги, расположившись в другом кресле, не собираясь отвечать. Старик поворчал еще, постепенно стихая, потом хлопнул каменной своей десницей по дрожащему столику и заявил:

– Вот что, ученик. Я тебе предлагаю вернуться в историю, вернуться в науку, которая как-никак имеет свой предмет. Что ты преподаешь?

– Культурологию, мастер.

– А что это?

– Ну, это еще называют историей культуры или историей мировых цивилизаций.

– Нет. Ты преподаешь особым образом выстроенный на-

бор слов, причем слов, существующих только и исключительно в данном варианте этой, с позволения сказать, науки. Здесь каждый автор создает свой собственный язык, то есть набор терминов, без которых его рассуждения либо не будут поняты, либо не будут иметь смысла. И что это за терминология, прости Господи? Вот пришел я наемдни в Останкино, и один из ваших, из разночинцев, передачу по культуре ведет, мне вопрос задал: «Как российская историческая наука позиционирует себя в современном культурном дискурсе?» А я немедленно в ответ: «Ахххладительно себя позиционирует. Уже в точке замерзания находится, как в...»

– А кстати, почему разночинцы мои, а не ваши?

– Да потому что я казак! Мои предки Сибирь открывали и сибирок покрывали. А твои в это время кадиллом махали, да бумагу марали. (И это мне говорил автор шести монографий и какого-то немереного количества статей, заметок, рецензий, комментариев, тезисов, рецензий, преди- и послесловий, писем в редакцию и язвительных ответов на них.)

– Они тут камеру остановили, – продолжал он, – руками замахали, ну я им со второго дубля врезал: «Она, мол, позиционирует себя в качестве трансформера актуальных смыслов прошлого в контексте постпостмодернистского сознания на пути к его деконструкции». Или их. Не помню уже.

– И что?

– Ну что, съели, не поморщились. А под конец он еще раз выразился, будем, говорит, теперь по этому поводу носталь-

гировать. Я уж уходить собрался, на ходу ему бросил: лучше будем ммм... А о чем мы вообще говорим?

– О культурологии.

– Нет, мы говорим о том, что тебе, мил-друг, надо бросать свой ПТУ и возвращаться к родным пенатам! Что тебя держит? Зарплата? А зачем тебе деньги? Семьи у тебя нет. Что ты с деньгами делаешь? Может, на ипподром ходишь каждые выходные? Или детским домам помогаешь? Нет, тебе сейчас не деньги нужно зарабатывать, а научный авторитет. Да и что это за деньги! Вот я, как в 1960-м году защитил кандидатскую, так каждый день в Метрополе обедал, пока не женился. Вот это были зарплаты!

Я не знал, что тут сказать, да старик меня и слушать бы не стал, увлеченный устройством моего будущего.

– Придешь на кафедру в альмаматерь. Годик старшим научным походишь, выбью тебе ставку доцента. Тему докторской подберем, например: «Гужевой транспорт России второй половины 18 века». Просто и ясно. И фиг подкопаешься. Колокольчики твои туда главой лягут.

Мне, наконец, удалось вклиниться в этот поток метафорических репрезентаций. Я поблагодарил академика за заботу и обещал тщательным образом все обдумать, а чтобы не выглядели мои сомнения обидными, решил резко сменить тему.

– Глеб Борисович, – говорю, – тут у меня загадка историческая, которую кроме вас, похоже, решить некому.

Учитель насупился, нос свой выдающийся приподнял. Значит, доволен. Изложил я ему историю покупки поэмы. Рассказал и о визите Кербера, и о пропаже книжки.

Академик выслушал все, казалось, вполуха, потом потянулся, пошлепал к буфету, вытащил початую бутылку «Яету Martin Extra Perfection», плоску с жареным миндалем и два круглых бокала, каждый размером с джакузи. Плеснув, не глядя, в каждый бокал, он протянул один мне, подвинул орешки, почесал толстый в прожилках нос, приложился к бокалу.

– Ну, тут ты, мил-друг, в точку попал. В России, может быть, три человека и есть, кто про эту поэму знает. У меня теперь интереса бывшего нет, а вот от Кербера тебе быстро не отвязаться. А когда-то мы за ней на пару гонялись, за поэмой этой. Не знаю, откуда он что разузнал, но не от меня. А тебе, я, пожалуй, расскажу, больше-то уж точно некому.

Покручивая в руках свой бокал с той каплей, что в нем была, и жестом предложив мне позаботиться о себе самому, он рассказал мне, что, работая над темой о декабристах, он откопал в Центральном государственном архиве Октябрьской революции³ допрос некоего штабс-капитана Ярославцева. Тот участвовал в заседаниях Северного общества, но на Сенатскую площадь не вышел. День 14 декабря он провел в сомнении, решая, что важнее: долг перед государем или

³ Сейчас – ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – *Прим. составителя.*

верность друзьям. Ничего не решив, дождался флигель-адъютанта с солдатами и спокойно отправился в Петропавловку. Там на допросах перед высочайшей комиссией он рассказал все что знал и много лишнего.

– А постой-ка, погоди.

Академик вынул себя из низкого кожаного кресла и отправился в недра дачи. Вернулся он, неся несколько рукописных листов.

– Вот, лично снял копию с записок Александра Дмитриевича Бобровкова. Он был чиновником по особым поручениям при военном министре Татищеве, а в декабре 1825 года был назначен делоправителем следственной комиссии по делу декабристов. В «Русской старине», при первой публикации записок 1898 года, этот фрагмент не печатали, так что он широкой публике, а может быть и вообще никому, не известен. Почитай сейчас, да, пожалуй, и домой возьми.

ИЗ ЗАПИСОК А.Д. БОБРОВКОВА.

«К концу января 1826 года взяты и допрошены были не только главные деятели заговора, но и почти все участники, так что разве очень немногие и то совершенно незначительные, остались еще неизвестными. Между прочих неявных злоумышленников был привлечен к следствию штабс-капитан гвардейской конной артиллерии Ярославцев, арестованный по личному приказу генерала Сухозанета. Сей штабс-

капитан, будучи допрошен, рассказал о заседаниях северной отрасли общества злоумышленников и планах возмутить войско не позднее 1826 года и произвести революцию со всеми ужасами с нею неразлучными.

Но боле всего внимание комиссии было привлечено к его рассказу о пребывании в Москве в 1818 году в отряде гвардейского корпуса. С особым пристрастием Ярославцев был допрошен о том, что ему известно о заговоре Никиты Муравьева и князя Шаховского, преследовавшем цель убийства августейшего государя. Однако выяснилось, что в этих ужасных по замыслам собраниях он участия не принимал, поскольку сошелся близко с поручиком лейб-гвардии Измайловского полка Петром Сафоновым и все время уделял посещениям особой масонской ложи, поименованной «Верьв раскаяния». В собраниях той ложи, в коих, по свидетельству Ярославцева, принимали участие 24 персоны, из числа московского дворянства и офицеров гвардии, в числе других разговоров слышал он, что составлена некая поэма, которую посвященные члены именовали «Молитвой Иуды». Поэма эта, по словам Ярославцева, обладала некой силой, воздействие которой может быть ужасно. На вопросы: на что сия поэма способна оказать воздействие и какого рода то это воздействие может быть, штабс-капитан ясного ответа дать не мог. Однако указал, что автором сей поэмы называли Алексея Петровича Хвостинина, вскоре умершего странною смертью.

Отставной гвардии поручик Петр Сафонов, спешно привезенный из Москвы в Санкт-Петербург, тех слов Ярославцева не подтверждал, указав, что подполковник Хвостинин действительно опубликовал поэму «Черты Ветхого и Нового Человека» в 1818 году. Но поэма та была одобрена цензурою и ничего, кроме молитвенного сочинения собой не представляла. Сам он, Петр Сафонов, хотя посещал собрания Союза благоденствия, но целей его не одобрял. А по прошествии 1821 года сие занятие совершенно оставил, уединившись с семьей в подмосковном имении Зяблиновка.

В дальнейшем решено было оставить вопрос о поэме без последствий, а Петру Сафронову, до дальнейших распоряжений на его счет, из Москвы не выезжать и в гражданскую, а паче военную службу не вступать. При вынесении сего решения следственный комитет руководствовался высочайшим соизволением государя не привлекать к суду бывших членов Союза благоденствия, которые хотя знали вполне цель общества, но отпали от него после объявленного закрытия на съезде в Москве в 1821 году. Это соизволение последовало, помнится, на основании донесения Следственного комитета от 30 мая 1826 года.

Штабс-капитан Ярославцев был, за малостью его вины, состоявшей в знании и недонесении, а также из уважения к заслугам престарелого отца его, генерал-лейтенанта Григория Павловича Ярославцева, командовавшего кавалерийской бригадой в походе 1813–1814 годов, был отнесен к 11

разряду при вынесении наказания. Всем отнесенным к этому разряду полагалось лишение чинов и разжалование в рядовые с последующею выслугой. Сия возможность предоставлялась им в действующей армии на Кавказе, однако, не далее чем через год, Ярославцев, отправившись в вылазку с командой добровольцев, пропал без дальнейших о нем известий и вскоре был поименован в числе погибших – один из пленных сообщил о казни русского солдата, державшегося с необыкновенным достоинством и отвагою, в одном из горских аулов».

За то время, что я читал записки Бобровкова, у меня сформировалось недоказуемое, но от того не менее четкое впечатление, что заманивает меня академик в какую-то чащобу, ему одному знакомую. Удрученное мое состояние Глеб, свет, Борисович, расценил по-своему:

– Вижу, и тебя поэмка зацепила. Вот что я тебе скажу: сходи в рукописный отдел «Безымянки», посмотри личный фонд Романыча-Славинского. Ты его знаешь, конечно. Он об истории дворянства писал в позапрошлом теперь уже веке. Есть в его фонде папочка, в которую он складывал документы, касающиеся биографии Алексея Хвостинина. И даже какие-то наброски для будущей работы, статьи или книги. Да видно руки не дошли. Посмотри, покопайся, может, что и отыщешь. А отзыв о диссертации ты мне через недельку завези. Заодно и расскажешь о том, что раскопал. Когда-то,

лет сорок назад, эта поэмка меня очень интересовала, да не меня одного, как ты уже знаешь.

С тем я от светила нашей исторической науки и откатил.

Среда. Вечер и ночь

Дома пришлось опять возиться с вещами, распихивать их по полкам. Зато нашлись домашние джинсы и рваная майка с логотипом Ugia Неер, подаренная Аленой в 1996 году. Стало лучше. Перед сном завел поэму в компьютер и распечатал.

[файл: «Поэма-1»]⁴

*Блажен, в ком Божий Дух рождает
Ум новый, верой просвещен,
И сердце чисто созидает;
Кто им помазан, освящен.
Он правдой, мудростью обилен,
Против страстей, пороков силен.
Не быв их узников оков,
Всегда возносится свободно
Как чадо духа благородно,
К тебе, отец благих духов!*

*Но, ах! когда я приникаю
Души моей во глубину,
Еще в нее не проникаю;
И уж покой и тишину
Глас некий у меня отъемлет;*

⁴ Здесь и далее в тексте поэмы и других документов сохранены орфография и пунктуация оригинала.

*Мое, трепещца, ухо внимлет:
Нещастный! ты погиб навек;
Коль смерть твои закроит вежды,
Той прежде сбывтия надежды,
Что ты стал новый человек.*

*Чтоб мысль я к истине простерши,
Ея уроки изучал:
Дни с настоящими протекши
Сличая, опыт извлекал
Уму и сердцу в наставленьё:
Вот памяти употребленьё!
Но в ней мой разум бременит
Груз вредных суетных мечтаний;
А ты, свет истинных познаний!
Забвеньем от меня сокрыт.*

*И сердце слабо, вероломно
Сколь редко дышит для тебя, —
Всегда к вещам земным преклонно;
Одно рассеяньё любя,
Одни забавы, блески ложны.
И то, как в вихре прах ничтожный;
Мяется по среде сует;
То в мрачном утопает горе,
Как судно мало в бурном море;
И – Твой лишь взор в нем жизнь блюдет.*

Могу ли в сердце быть спокоен,

Коль суетою развлечен? —
Могу ли в духе быть устроен,
Когда страстями окружен? —
Поют, играют как Сирены,
Поверх кипящей в море бездны;
И я к ним в сретенье лечу.
Как лютые рыкают звери,
Грызут, ломают сердца двери;
Коль заключиться в нем хочу.

Жизнь без тебя, о Боже! мука.
Ищу друзей, родных бесед;
Здесь миг отраде – и тотчас скука:
Один – и все покоя нет.
Снедают днем заботы злыя:
Во тьме ночной мечты пустыя
Дреманья вездям не дают.
Я зажигаю свет лампы,
Стою пред самым Солнцем правды,
И ленность, сон меня гнетут.

Когда и где я не мятуся,
О Боже, свет блаженных дней!
Когда с Тобою быть кажуся,
Что и тогда в душе моей?
Хаос – смешение чувств разных,
Всегда с собою несогласных. —
Я к миру от тебя лечу;
Здесь наскучив суетою,

*Своей гнушаюсь слепотою,
И видеть света не хочу.*

*Я не хочу – но льстивы чувства
Давно мне в сердце изменя,
По тонкой кистею искусства
Скрывают образ от меня.
Ничтожной суетности мира,
И бренного опять кумира
Меня к подножию влекут:
Уже теряюсь я в желаньях
И что! коль в сих очарованьях
Забуду Твой, о Боже! суд? —*

*Я весь и грех – но только слово
Коснется чести моя:
И миценье все во мне готово:
Судить о ближних, – страсть моя.
В бедах без меры малодушен:
Закону рабски я послушен:
Изобличний не терплю.
На нищего воззреть стыжуся:
Как язвы, нищеты боюся:
Хвалы и ложныя люблю.*

*Творенье гнусное, ничтожно
К кому прибегну, Боже! я? —
Спасенье в ком мое неложно,
Кроме щедроты Твоея?*

Когда от мира отрешуся? —
Когда к тебе я прилеплюся? —
Тогда ль, как сердце лет зима
Сожмет мне хладною рукою,
Снег сыпля над моей главою,
И потемнеет блеск ума?

В очах погибшего невежды
Луч мудрости горит, и вдруг
Просиявает луч надежды.
Но плоть и мир и злобы дух
Острее прочих стрелы меццут:
Уже стопы мои трепещут.
Создатель мой! благих путей
Я падаю при первом шаге
Ах! утверди меня во благе
Ты духом крепости своей!

Ничто, ничто во мне не прочно. —
Едва я крепость ощутил;
Уж надеяние порочно
Меня лишает вовсе сил.
Самодовольствие слепое
Отъемлет все мое благое.
Всецедрый Боже, Всесвятый!
Дай Духа твоего мне страха,
Чтоб помнил я, сын персти, праха,
Что я — ничто, все есь Ты! —

*Великое терпенье благо!
Желаю утвердиться им;
Но ах! всего источник злаго
В душе моей неистощим.
На месте твердости грубею,
Ожестеваю и хладею.
О Боже! милость мне яви:
К нещастным быть жесток боюся,
В молитве хладен бысть страшуся.
Дай духа мне Твоей любви.*

*Любовь душа вся вселенной;
Отец Любви, – Любовь – сам Бог:
Любовь для смертных дар бесценной,
Всех благ единственный залог.
Что больше на земли прелестно,
Что больше в небесах любезно,
Любви божественной, святой? —
Еще отец любви! взываю,
Стократ мольбы усугубляю,
Дай духа мне любви благой.*

*Творенье созидаю ново,
Создатель! к смертным ты сынам
Послал свое в их плоти Слово,
И в нем явился миру Сам.
Омыть растленье всей природы,
Чрез Сына Твоего все воды
Твой дух нисходит освятить.*

*Вод Духа от тебя чрез Сына
Хоть капля да падет едина
Меня, о Боже! возродишь.*

*Но я ли персти сын, дерзаю
Взносить мысль брэнну к небесам?
И я ли – плоть и кровь – мечтаю
Причастен духа быть дарам? —
Ты пред собою созерцаешь
Не в дыме, в молниях Синай.
Но благости ее престолу
Ты предстаешь: – повергнись долу,
И кроткий, нежный глас внимай.*

*«Сыны земли не чады неба,
Известна злоба их сердец:
Но есть ли дети просят хлеба,
Подаст ли камень им отец? —
Не паче ль чад прощеньям внемлет,
Молитвы слезные приемлет,
Отец, что в небесах живет? —
Проси ты с детской простотою,
Молитвой чистою, святою,
Святаго Духа Бог пошлет». —*

*Не веры страха души жестоких
И злобы вечныя духов:
Но той, что в истинах высоких
Открытых неба для сынов*

*Не ум лишь блеском поражает,
Но вместе сердце согревает,
Живит своею теплотой: —
Как землю мертву, охладелу,
В оковах льдов оцепенелу,
Весною солнца луч златой.*

*Водимый светом сей лампады,
Я мимо прелестей, – сквозь бед
Пройду, ища себе отрады;
И узрю, как земных надежд
Рассыплются песчаны горы,
Прельщая ложно смертных взоры.
До тех пор далее пойду;
Пока вне смертности юдольной,
Там – кончиться мир сей дольной,
Спасенья знаменья найду.*

*От бурь свирепых страстной жизни
Здесь – при кресте – я отдохну:
Смотря на край моей отчизны;
Свободно, сладостно вздохну. —
Се якорь моя надежды! —
Сии горе подъяты вездь
Закрылись, чтоб узрел я свет.
Сии ад ноги подпирают;
А длани небо преклоняют:
Сын веры точно не умрет! —*

Твоих здесь истин созерцанье
Душ кротких, Боже! простотой
Являет милости лобзанье
С превечной правдою святой.
Так вера истину сретая,
И добродетель с ней лобзая,
Составит светоносный Крест
В душе моей доселе темной.
Тут скажет раб Твой изумленный
«Не Божий ли все это перст?»

Меж тем, как сей и капля крови
В дань сердца требует всего,
И сердца полного любви.
Ах! даруй Духа Твоего,
Пролей мне, Боже! чувства новы,
Да будут в дань Тебе готовы:
Твоим мой Духом обнови. —
Господне слово непреложно,
И уповаю я не ложно;
Пошлешь Ты Духа мне любви.

Тогда на Крест Христов взирая,
Паду к подножию его,
И ног колена преклоняя
И вместе духа моего.
За вздохи те неизреченны,
О Духа Твоего рожденны
Грехов прощенье получу.

*Омою кровь от ран слезами,
Отру главы моей власами,
Слезами землю омочу.*

*Ты будешь в каждом помышлении,
И в каждом вздохе у меня,
И в каждом взоре мановеньи.
Глас горлицы, луч каждый дня,
Жатв море – и одна былинка,
Вод капля мала, гор песчинка
Тебя мне будут вспоминать.
Твоей я правды не забуду,
Твои щедроты славить буду,
И только о тебе вещать.*

*И о Твоем предвечном Сыне
Я не умолкну никогда;
Среди людей и наедине
Его я буду петь всегда.
И жизнь и смерть Его прославию,
И память там о Нем восставлю,
Где он забыт давно в сердцах,
Или объятых суетою,
Или покрытых слепотою,
Иль в гордых, гибнущих мечтах.*

*Тогда быв страха чужд и лести,
В слух мудрых, сильных на земли,
Реку: – себя, как чада персти,*

*Превыше смертных чтоб не чли.
Реку: – Господь всем обладает,
Ему вся слава подобает; —
И в сонме всех земных Владык,
Единый Бога, веры чтитель,
Друг ближних, правды покровитель,
Пред взором Истины велик.*

*Не позабуду мой Спаситель
Что вверить мне благоволил;
Как агнецв бдительный блюститель,
Пасти мне коих поручил,
Их мысли, чувства испытаю,
Млеком иль брашном напитая,
С мужами быв, как зрелый муж,
С младенцами простым младенцем,
Все чистым открывая сердцем,
Что нужно им к спасенью душ.*

*Не дам, не дам себе покою,
Пока тьмы чадам свет явлю,
Нагого ризою покрою,
И хлеб мой с нищим разломлю.
Утешу скорбных, сколько можно,
Всем буду все, в любви чем должно;
Но помнить вечно буду я,
Что есмь еще раб неключимый,
Что не заслуга – долг хранимый,
Что все есть Благодать Твоя:*

Свобода возносится духом,
Твои доброты созерцать:
Твой глас внимать открытым слухом;
Свобода говорить – молчать.
Свобода избирать благое,
Решительно отринув злое;
Труды, насилия нести,
В любви дух мирный сохраняя,
Весь ум в завет Твой погружая,
От страстных сердце уз блюсти.

И простоты дар первобытной,
Как истина, открытой всем,
Воздержной, скромной, безкорыстной,
Не подзревающей ни в чем;
У коей чувство верно, право,
И око мудро, не лукаво;
Без коей совесть не чиста,
Спокойствие души не прочно;
Без коей сердце непорочно,
И жизнь не может быть свята.

Что сотворят мне твари бренны,
Коль я предамся весь Тебе?
Творец, – Владыка Ты вселенны,
И жизнь и смерть в Твоей судьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.